

СПОРЫ О ДОСТОЕВСКОМ

Драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эдемский Роман Григорьевич — литературовед, автор работы „Атеизм Достоевского“

Жуовьян Сергей Сергеевич — литературовед, товарищ Эдемского по университету.

Чернокотов Василий Васильевич — бывший студент университета, ныне лицо без определенных занятий.

Хомятов Алексей Иванович — известный литератор.

Вартаньянц Павел Дмитриевич — главный редактор издательства.

Соскис Михаил Залманович — зам. главного редактора.

Кугушев Олег Андреевич

Труш Элем Анатольевич

Петрузов Федот Тимофеевич — члены редакционного совета

Колмакова Ольга Юрьевна

Карабинович Зоя Константиновна

Лобачев Георгий Исаевич

Шмулер-Дийсный Борис Борисович | — профессора

Монцевич Николай Станиславович | университета

Вера Степановна — секретарь главного редактора

Ирина Моисеевна

Сашенька

Валя — буфетчица

Иван — швейцар

Касьяновна — уборщица.

— стенографистки

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Большая комната, или, вернее, небольшой зал в старом особняке, где любят размещаться современные творческие учреждения. С высокого потолка спускается тяжелая люстра — бронза и хрусталь... Потолок и стены отделаны красным деревом. Окна закрыты спускающимися до полу шторами на кольцах. Т-образно, в стандартно-заседательском стиле составлены дорогие полированные столы. Вдоль стен мягкие стулья и полукресла. За председательским креслом стена занята под старинную полировку сделанными книжными шкафами, плотно забитыми томами БСЭ — Большой Советской Энциклопедии, а также темно-красными и темно-синими корешками Политиздата. На стене портреты Пушкина, Лермонтова, Тургенева и Горького. Со всем этим не гармонирует расположенный в углу бронированный, защитного цвета казенный шкаф — сейф. На сейфе стоит маленькая, нарядно украшенная елка.

Утро. Время предрбочее. За столом сидят две стенографистки: пожилая, с рыжими крашеными волосами на лысеющей голове — Ирина Моисеевна и тоненькая, под мальчика стриженная Сашенька. Вера Степановна — секретарь — женщина „под сорок“ раскладывает на столах бумагу и карандаши. Касьяновна — уборщица — совсем почти старушка, кончает уборку. Двигается она неторопливо, как-то вывернув локти назад и комкая тряпку обеими руками.

К а с ь я н о в н а. Новый год, а погода, как на Пасху... Тыфу, чтоб тебе, нечистому, поперек поясницы *(смеется)*.

И р и н а М о и с е е в н а. Да, да, мокрый снег с дождем, грипп... Со всем не по-новогоднему *(к секретарше)*. Верочка, мы с Сашенькой правильно сидим?

В е р а С т е п а н о в н а. Если не трудно, поближе пересядьте. Павел Дмитриевич любит, чтобы стенографистки рядом находились... Соскису, тому все равно.

К а с ь я н о в н а. Раньше все лучше было... Магазин раковых консервов на углу *(смеется)*.

В е р а С т е п а н о в н а. Каких еще там раковых консервов?

К а с ь я н о в н а. Крабы в натуре *(смеется)*.

И р и н а М о и с е е в н а. Как я перепугалась, когда распространились слухи, что Павел Дмитриевич умер... Но как же он прямо из больницы на работу? Ему бы в санаторий месяца на два.

В е р а С т е п а н о в н а. Что делать? У меня над ним власти нет. У него жена, сыновья взрослые...

И р и н а М о и с е е в н а. Как эти умные мужчины все-таки бывают глупы в личном.

Вера Степановна молча достает из ящика коробку разноцветных карандашей и, вынув несколько — красный, зеленый, коричневый, заботливо укладывает их вокруг председательского блокнота.

И р и н а М о и с е е в н а. А этот Эдемский... Я его никогда не стенографировала... Молодой автор?

В е р а С т е п а н о в н а (*раздраженно*). Этот Эдемский из пожилых вундеркиндов. Наше время — время пожилых вундеркиндов.

И р и н а М о и с е е в н а. Значит, будет скандал. А ведь после скандала всегда стенограмму требуют. Наговорят друг другу гадостей, а потом стенографистки виноваты. Помню, в прошлом году один другого безмозглой котлетой обозвал. Люди пожилые, уважаемые... Так вот потом этот уважаемый доказывал, что безмозглую котлету ему стенографистка написала...

К а с ь я н о в н а (*вытирая председательский стол*). На Пасху, помню, пойдут к покойникам на кладбище поминать... Выпьют, поругаются... Выдергивают кресты из могил и прямо этими крестами дерутся (*смеется*).

В е р а С т е п а н о в н а. Вы бы, Касьяновна, поторопились, сейчас уже народ сходиться начнет.

К а с ь я н о в н а. Бу-бу-бу, бу-бу-бу, а я с семи утра на ногах (*плачет*).

Входит Валя, буфетчица по должности и по внешнему облику. Крепкая, невысокая, короткорукая, но с некоей своеобразной женственностью, свойственной физически сильным женщинам.

В е р а С т е п а н о в н а. Валя, десять стаканов чая с лимоном, нет, даже пятнадцать.

В а л я. Сахар кусковой или прямо в чай?

В е р а С т е п а н о в н а. Кусковой на блюдечках и бутерброды с сыром.

К а с ь я н о в н а. Валя, у тебя мирмилад сегодня в буфете есть?

В а л я. Подожди, Касьяновна (*к Вере Степановне*). Я по безналичному бутерброды сегодня не могу...

Звонит телефон.

В е р а С т е п а н о в н а (*берет трубку*). Алле... Одну минуту (*кричит*)... Павел Дмитриевич, вас. (*К Вале*.) Сегодня расширенный редсовет, будут гости из университета и, может быть, даже сверху. Я сама в бухгалтерии договорюсь насчет бутербродов, ты не волнуйся.

К а с ь я н о в н а (*Вале*). Мне бы триста грамм мирмилада.

В е р а С т е п а н о в н а. Да подождите, Касьяновна.

К а с ь я н о в н а (*всхлипывая*). Ты мне не начальник. У меня Вартаньянц начальник... Бу-бу-бу, бу-бу-бу... Чтоб вы все сгорели (*выходит*).

В а л я. Давно бы Касьяновну на пенсию. Терпеть не могу хитрых и грубых старух. Когда видишь грубую старуху, так и кажется, что ей мужчины хочется.

И р и н а М о и с е е в н а. Зачем же так пошлить? Я тоже старая женщина, и вы тоже не девочка...

Входит Вартаньянц, высокий, костлявый, с желтизной в лице и в дорогом костюме, висящем на нем как на вешалке.

В е р а С т е п а н о в н а (*шепотом*). Алексей Иванович...

В а р т а н ь я н ц (*торопливо берет трубку*). Добрый день, Алексей Иванович... Вартаньянц... Да, очень рад... Ждем вас... Да, к десяти... Ну, тогда хотя бы к концу... Мы всегда вам рады... (*коротко засмеялся, некоторое время слушает молча*.) В принципе, я с вами абсолютно согласен... Тема, предложенная автором, вообще весьма обнадеживала... Буржуазное литературоведение пытается фальсифицировать наследие Достоевского в большей степени, чем всех иных авторов критического реализма вместе взятых. Да... Именно я был главным сторонником вступления с автором в договорно-финансовые отношения... Мне даже пришлось, признаюсь,

выдержать целую баталию с рядом товарищей... В частности с заместителем моим, Михаилом Залмановичем Соскисом... Я вас не отвлекаю, Алексей Иванович?.. Просто мне хотелось бы с вами посоветоваться... Положение сложное... Я знаю, что вы с интересом... Так в том-то и дело... Если бы мы имели дело с рвачом, с откровенной халтурой... Но надо признать, во многом Соскис был прав... Он сам специалист по Достоевскому, отдал этой теме пятнадцать лет своей жизни... Его сразу же насторожило... Нет, для этого мы и собираемся, чтобы отделить пшеницу от плевел... Мы вас ждем, Алексей Иванович... Я? Да, действительно немного приболел, но, наконец, кажется, выкарабкался... Спасибо... В любой момент рады вам... Всего вам доброго... *(Вешает трубку и, подняв голову, замечает стоящего на пороге бедно, неряшливо одетого человека с толстым потертым портфелем. Сразу сухо.)* Вам что, товарищ?

Ч е л о в е к. Моя фамилия Чернокотов... Василий Чернокотов, не слышали?

В а р т а н ь я н ц. Нет. Что вам угодно?

Ч е р н о к о т о в. Давайте познакомимся *(подходит и протягивает руку)*. Чернокотов... Фамилия сибирская... Разбойничья... Не фамилия, а кличка... Фамилия — это закордонное слово... У нас на Руси испокон веков кличка была... Как, мол, тебя кличут? Говорят, казак Чернокот рядом с Ермаком Тимофеевичем плечом к плечу... Семейная легенда... Но Ермак Тимофеевич утонул в Иртыше, а Чернокот пробился сквозь татарские полчища и основал династию Чернокотовых.

В а р т а н ь я н ц *(нехотя подав руку)*. Что вам угодно?

Ч е р н о к о т о в. Я без приглашения. Случайно узнал... Русскому человеку трудно отказать себе в удовольствии поговорить о Федоре Михайловиче... Тем более, в университете, который по превратности судьбы не окончил, меня, мужик, Марей звали... По облику... Годам к пятидесяти, если доживу, обязательно заведу себе темно-русую окладистую бороду *(по разговору чувствуется, что Чернокотов пьян, но пьян привычно, то есть в полном сознании, разве что более остер, ироничен и быстрее в мыслях)*.

В а р т а н ь я н ц *(раздраженно)*. У нас сегодня закрытый редсовет...

Ч е р н о к о т о в. Мне Соскис Михаил Залманович разрешил... Вы меня не знаете, а Михаил Залманович меня знает... А раз знает – значит, доверяет... А раз доверяет – значит, проверяет...

В а р т а н ь я н ц *(раздраженно)*. Не морочьте мне голову, молодой человек, здесь не место для шуток.

Входит Т р у ш, невысокого роста, подвижный, явно из „маленьких мужчин“.

Т р у ш. Здравствуйте, Павел Дмитриевич, с выздоровлением.

В а р т а н ь я н ц. Спасибо. Как ваше впечатление?

Т р у ш. Я высказал вам по телефону... Помните, у Достоевского – вся ошибка этих людей в том, что они видят всегда русский прогресс единственно в самооплевании.

Ч е р н о к о т о в. Это, Элем, Федор Михайлович все-таки о других говорил. Эти уже не на себя, а на нас плюют.

Т р у ш. Здравствуй, Вася, здравствуй, дорогой! Кота-то я и не заметил... Ты к нам?

Ч е р н о к о т о в. Да вот гонят...

Т р у ш. Ну, не смей меня, кто ж тебя прогнать может? И зачем? Разве что по недоразумению. *(К Вартаньянцу.)* Вы не знакомы, Павел Дмитриевич?

В а р т а н ь я н ц *(сухо)*. Как будто познакомились.

Входит П е т р у з о в. Человек с лицом ответработника средней руки. Это крепкий, плотный мужчина. Здороваётся за руку с Вартаньянцем и Чернокотовым.

Труш, который при появлении Петрузова отошел в сторону, обменялся с вошедшим сдержанным поклоном.

Т р у ш *(с вызовом глядя на Петрузова)*. Конечно, во времена культа личности, когда Достоевский вообще был заключен гробовыми досками, как статуи в Летнем саду в Ленинграде, трудно было говорить о Федоре Михайловиче без ранее заготовленного набора формулировок, но сегодня мы его в обиду никому не дадим... Ни догматикам, ни декадентам.

Чернокотов (*со злым весельем*). Верно, Элем... Так их, ату! Не дадим себя обижать ни внешним, ни внутренним иностранцам... (*После паузы, потише.*) Какой-то французик назвал творчество Федора Михайловича мерзким, как храм Василия Блаженного...

Лобачев (*входя*). Не мерзким, а чудовищным... (*Здороваясь со всеми за руки.*) Это Мельхиор де Вогюе... Тот самый, который обнаружил в произведениях Достоевского ожесточенную борьбу с мыслью, с полнотой жизни... И дай Бог памяти, освящения идиотизма, пассивности, бездеятельности...

Труш. Сукин он сын!

Чернокотов. Именно сукин... Но важно другое, кто же эта сука... Чтоб так заявить, надо сильно ненавидеть Россию... А французики — это канареечная нация... На настоящую ненависть они не способны... Они и в ненависти развратны, как в любви... Нет, это им изнутри подсказали... Это из „наших“ кто-то...

Петрузов. Сейчас последний крик моды все на культ личности валить... А в прежние времена такие космополитические заявления о храме Василия Блаженного и в дискуссионном порядке не могли появиться.

Труш (*саркастически улыбаясь*). Тоска по покойнику с Кавказа... Он и без дискуссии храмы с лица земли сносил... Великий храм Спаса разрушил, национальную реликвию...

Петрузов. Не надо все валить в кучу. Ошибки — это ошибки, а достоинства — это достоинства. Не надо плевать только оттого, что слюна во рту накопилась.

Чернокотов. Обидно мне глядеть на вас, братья славяне... Два русских человека, а по пустякам готовы друг друга в корыте утопить.

Труш (*нервно*). Тридцать седьмой год пустяки... У тебя ж самого семью раскулачили, по миру пустили...

Чернокотов. Элемчик, дорогуша моя, нельзя же все время на одном застревать. Было да прошло. Чего только не было у нас, да прошло. Храмы рушились, города горели, жен наших насиловали, а мы вот они — живы... О вечном думать надо... А вечное для нас с вами — это Россия.

Петрузов. Хорошее у тебя лицо, Вася, становится, когда о России начинаешь говорить. Политрук у нас был в роте, убили его под Ростовом в сорок первом, на него лицом похож становишься... Только пил бы поменьше.

Чернокотов роется в портфеле, достает один из томов, весь в закладках, затем другой.

Труш. Ты что, Вася, полное собрание Достоевского с собой таскаешь?

Чернокотов. Таскаю. Полное собрание... Я теперь за городом живу... Комнатушка ничего, теплая... И электричкой полчаса... Устанешь как-нибудь, затоскуешь, или голодного червяка заморить надо, или жажду... Русская жажда, знаешь, какова? Так вот возьмешь этак наугад, раскроешь... *(читает.)* „...явятся и бесчисленные другие, все те, кто прежде так жаждали верить в русского человека, но не могли проявиться и итти против всего царившего наруже отрицания и пессимизма...“

Труш. Тебе б, Вася, на работу устроиться.

Чернокотов. Так ведь всюду „наши“. Характер менять надо... А характер у меня раз и навсегда сколочен, сибирский...

Петрузов. Позвони мне в середине той недели *(отходит к Вартаньянцу, с которым стоят и разговаривают Лобачев, Шмулер-Дийсний и Монцевич)*.

Чернокотов *(Трушу)*. Разогнаться бы с высокой горы... У нас в Сибири, знаешь, какие горы... Ребяшня любит с них... Смех, солнце светит красное — морозное, собаки лают... Хорошо... Разогнаться бы, да в эту поблескивающую очками кучу... Очки бы в разные стороны полетели, вставные челюсти...

Труш *(оглядываясь)*. Ладно тебе, Вася, что-то ты сегодня особенный...

Чернокотов. Я всегда особенный. Я всегда униженный и оскорбленный... Погляди, Федот Петрузов... Не узнать его... Изгибается в поклоне *(понизив голос)*, вот беда, наш разжиревший мужичок первым делом старается с богатыми

знатными евреями подружиться... Это и есть наше нынешнее дворянство... Помнишь, как Суворов просил произвести его в немцы... Так вот, примут тебя сейчас в евреи, значит, тебе повезло.

Т р у ш (*оглядывается, улыбается*). Ладно тебе, Вася...

С о с к и с (*седой, толстый, с крепким затылком. Входит*). Ну что, все в сборе? Здравствуйте...

Т р у ш. Самого Ымыныныка нету, Михаил Залманович. И дамы отсутствуют... Эдемский, очевидно, с дамами явится, как всегда.

Ч е р н о к о т о в (*громко*). То ли дело, Михаил Залманович, Федот Петрузов... Обратите внимание, явился точно с ударами часов на Спасской башне Кремля.

В а р т а н ь я н ц (*Чернокотову*). Остричь будете в подворотне с собутыльниками.

Ч е р н о к о т о в. Я непьющий, товарищ Вартаньянц. Это поклеп кто-то из завистников возвел.. А если что не так, извините... Я человек темный, из мужиков... Жан-Жака Руссо до половины только одолел. А к Вольтеру и вовсе еще не приступил.

В а р т а н ь я н ц (*Соскису*). Можно вас, Михаил Залманович (*берет его об руку, и они отходят в сторону, о чем-то разговаривая шепотом*).

П е т р у з о в (*Лобачеву*). Надеюсь, литгенерала нас ждать не заставят.

Л о б а ч е в. А что, ожидают кого-то из знатных?

П е т р у з о в. Хомятов должен быть, Алексей Иванович. Я даже слышал, сочинение Эдемского ему как-будто понравилось... Хотя должен признаться, и я не вовсе его отвергаю... То есть не во всем... Конечно, это не может быть принято, это бесперспективнс и в идейном смысле туманно, но как попытка обнаружить в Достоевском новые антирелигиозные демократические тенденции... Труш, тот с пеной у рта против... Но тут надо подумать...

Л о б а ч е в. Прежде всего интересна постановка вопроса. Почему Достоевский самый популярный писатель двадцатого века? И в действительности ли он самый русский из всех наших великих писателей, как изволил заметить один из шум-

ных критиков прошлого и как воспринимают ныне Достоевского на Западе...

Разговаривая, они отходят.

Чернокотов (*Трушу, негромко*). Его превосходительство Хомятов изволят прибыть... Наши знатные полуправительственные мужички, особенно из деревенских, весьма большие любители еврейских женщин... Женятся, заводят в доме еврейский уют... Обед всегда вовремя и обязательно на бархатной скатерти... Вместо водки наливочку в лафитниках. Я бывал в таких домах... Раньше, когда подавал надежды (*улыбается*). Теперь я туда не вхож... Всегда в этих домах пахнет чем-то сладким, каким-то сладким соусом... И детки с выпуклыми математическими лбами. Откуда от мужика с бычьей шеей и голубыми глазами такой приплод?.. А мужик наш двигается боком, все боком, как бы чего не раздавить, в собственной спальне ведет себя, как на закордонном дипломатическом приеме — как бы глупость не сморозить...

Труш. Ты, может, домой пойдешь, Вася? А то развезло тебя, я вижу, в духоте... Зачем пить с утра?..

Чернокотов. И ты, Элем, туда же... Я выпил, это верно, но я не пьян... Меня день и ночь та же тоска о потерянной правде мучает, которая Федора Михайловича терзала.

Труш. Я, Вася, в том смысле, что ты сам себе очень навредишь.

Чернокотов. Это верно... Мстить они умеют. Мстят хитро и жестоко... Но и мы ведь не из чурбана вырезаны... Мы арийцы, как любил повторять Федор Михайлович... Мы тоже в жизни ориентируемся...

Соскис (*подходя*). Все спорит молодежь... Я когда думаю о молодежи, всегда вспоминаю Шиллера... У него при перечислении действующих лиц дан исчерпывающий анализ молодости... Сказано: молодые люди, потом — разбойники.

Труш. У Шиллера сказано — развратные молодые люди, потом — разбойники.

Чернокотов. Михаил Залманович, русский человек, как бы на него ни клеветали, ненавидит разврат. Но он не

верит и в зарубежную католическую добродетель... В мировой литературе нет более пылкой и прекрасной женщины, чем бледненькая Соня Мармеладова... Нет более целомудренной... Помните, Михаил Залманович, мое сочинение на втором курсе... За полгода до отчисления.

С о с к и с. Оно, кажется, называлось „Соня Мармеладова — Венера петербургская“. Ну и влетело же мне тогда за вас, теперь уже можно признаться.

Ч е р н о к о т о в. Вам, Михаил Залманович, вообще за меня достается... По-моему, и сейчас Вартаньянц обо мне вам выговаривал.

С о с к и с. Да, но я обещал, что вы будете вести себя прилично... Вы талантливый человек, Вася. К чему вам эта скандальная репутация?

Ч е р н о к о т о в. Ах, Михаил Залманович, под скандальной репутацией у нас понимают, как заметил Федор Михайлович, давнишний исторический испуг наш перед дерзкой мыслью о возможности русской самостоятельности... Вопрос непростой, но разрешимый. Если бы все, кто нам противостоит, напоминали бы вас, Михаил Залманович... Помните, у Достоевского похороны „общечеловека“? Вы мне доктора Гинденбурга напоминаете, святого общечеловека. Помните, как его всем городом в последний путь?.. И он лежал в гробу в стареньком вицмундире. Старым платком была обвязана его голова, эта „милая голова“, как пишет Федор Михайлович. Вспомнишь, просто до слез...

С о с к и с. Вы мне льстите... Лесть, или, лучше сказать, снисходительность, не всегда порок, но чаще всего добродетель, особенно в молодые годы. Жан-Жак Руссо... *(Смеется.)*

Ч е р н о к о т о в. Вы, Михаил Залманович, передвижная энциклопедия — и большая и малая... А как Ревекка Семеновна, как девочки?

С о с к и с. Спасибо... Мы вас недавно вспоминали. Вам бы опять попытаться в университет. Я хоть и не работаю теперь там, но мог бы помочь... Главное, Вася, вам жизнь наладить, тогда озлобление пройдет.

Ч е р н о к о т о в. Для того чтобы исчезло озлобление, не-

обходимо счастье... А русскому думающему человеку очень трудно быть сегодня счастливым...

С о с к и с. Опять двадцать пять...

Ч е р н о к о т о в. Вернее, сорок восемь...

Т р у ш. Явились наконец (*кивком показывает на вошедших Эдемского, Жуовьяна, Колмакову и Карабинович*).

С о с к и с (*Эдемскому, сердито*). Мы вас ждем уже полчаса... Весь редсовет в полном составе.

К о л м а к о в а. Это я виновата, он за мной заехал, а у меня мама болеет. Задержались.

К а р а б и н о в и ч. Не надо скандалить до начала полемики, дорогой Михаил Залманович... Простите и полюбите нас и помилуйте.

С о с к и с. Вас я всегда готов прощать и миловать, дорогая Зоя Константиновна. (*К Жуовьяну*): А вы по какому поводу?

Э д е м с к и й. Это мой товарищ по университету, литературовед. Я хотел бы, чтобы он присутствовал на обсуждении.

К а р а б и н о в и ч. Михаил Залманович, Сережа Жуовьян хоть и с крайностями, но в остальном очень милый и толковый человек... Я настолько в том уверена, что говорю об этом в его присутствии.

С о с к и с. Жуовьян... Что-то припоминаю... Даже помню вас... Это вы...

Ж у о в ь я н. Нет, нет...

С о с к и с. Что?

Ж у о в ь я н. Вы ошибаетесь... Я не армянин, а русский... Вернее, дед мой – обрусевший бельгиец...

С о с к и с (*смотрит некоторое время на Жуовьяна*). Только ради Бога без крайностей, о которых Зоя Константиновна говорила...

Э д е м с к и й (*Жуовьяну, тихо*). Сережа, и черный кот здесь... Работать он сюда устроился, что ли?..

Ж у о в ь я н. Я слышал, он под следствием находился, по делу о каком-то рукописном издании славянофилов... Но вряд ли что-нибудь серьезное, иначе его Вартаньянц не пригласил бы...

Эдемский. Это не Вартаньянц... Это Соскис, пожалуй, пригласил...

Колмакова (*наклонившись, тихо Эдемскому*). Рома, с минуты на минуту должен приехать Хомятов.

Эдемский (*раздраженно*). Ну, и что?..

Колмакова. Станный ты, это наш единственный шанс...

Чернокотов (*тихо*). И Жидовьян здесь... Я с ним на первом курсе дрался...

Труш. Тише ты, Вася, не шуми.

Чернокотов. Да черт с ним... Бесовье биробиджанское... Посмотри лучше, какая девочка сидит, только сейчас заметил... Бледненькая, ясноглазая, лишь волосы не русые, а темные... А может, и у Сонечки Мармеладовой волосы были не русые, а темные... Это от татар у нас... А бледность лица и ясные глаза — северное... Наше... Посмотри, вон она, Венера Петербургская...

Труш. Это стенографистка.

Чернокотов. Всего-навсего... Но я хочу с ней рядом сесть...

Труш. Перестань дурить... Чуть у нас сердечная невинность, сразу мы дурим... Здравствуйте, Сонечка...

Сашенька. Меня Саша зовут.

Чернокотов. Явное недоразумение. Ваши родители не читали Достоевского. Но вы в этом не виновны... Как сказано — в убийстве отца невиновен... Да... Можно рядом с вами?

Сашенька. Садитесь, мне все равно.

Ирина Моисеевна. Только не мешайте ей работать.

Чернокотов. Вы ее опекунша?

Труш. Хватит тебе, Вася.

Чернокотов (*Ирине Моисеевне*). Мешать я ей не буду, но разрешите мне изредка на нее молча поглядывать. (*К Сашеньке*.) Вы не возражаете?

Сашенька. Смотрите, мне-то что...

Чернокотов. Я буду смотреть на вас с ожиданием... По-собачьи... У собаки всегда ожидание во взгляде...

В а р т а н ь я н ц. Будем начинать, товарищи... Пожалуй-ста, Михаил Залманович...

С о с к и с. Товарищи, нам предстоит обсудить работу Романа Эдемского „Атеизм Достоевского“...

Т р у ш. И подзаголовок...

С о с к и с. Что?

Т р у ш. Я говорю, подзаголовок также весьма важен: „Духовные поиски, или научный психоанализ“.

С о с к и с. Да, именно, с подобным подзаголовком... Слово предоставляется редактору Ольге Юрьевне Колмаковой.

Т р у ш. Извините, Михаил Залманович, и вы, Ольга Юрьевна, хоть это и в нарушение распорядка, я бы все-таки попросил слова для короткой реплики.

С о с к и с. Ну, что ж... Поскольку обсуждение у нас сегодня вообще необычное... Только коротко, Элем...

Т р у ш. Считаю своим долгом заявить — уже само наименование этого сочинения, не говоря о его подзаголовке, дает повод обвинить Р. Эдемского в том, что он упростил идейную проблематику Достоевского, в лучшем случае не разобравшись в ней и оказавшись в положении некоего персонажа Крылова...

Ч е р н о к о т о в. Публично критикующего слона.

Ж у о в ь я н. Только без заборной полемики...

Т р у ш. Я не тот персонаж имел в виду, товарищ не понял...

С о с к и с. Просьба не выкрикивать с места и не перебивать.

Ч е р н о к о т о в. Правильно!

Т р у ш. В недобрые времена культа личности, когда наш русский гений Федор Михайлович Достоевский был лакейски распят на кресте догматических формулировок эрудитами типа Степана Тимофеевича Верховенского...

Ж у о в ь я н. Это исключительно по социальной и литературной безграмотности.

С о с к и с. Повторяю, просьба, с мест не выкрикивать.

П е т р у з о в. К вашему сведению, в тридцатые и сороковые годы Достоевский издавался огромными тиражами

наряду с другими представителями критического реализма. Так что я в какой-то степени согласен с Жуовьяном... Перегибы, конечно, были. По безграмотности кое-кто Достоевского отталкивал тогда.

С о с к и с. До чего ж неорганизованный народ.

Ч е р н о к о т о в. А вы, Михаил Залманович, не нервничайте...

П е т р у з о в. Интересно, что враги поняли Достоевского раньше, чем друзья. Французские националисты-католики, например, прямо заявляли, что Достоевский проповедует большевизм... Не социализм даже, не социал-демократию, а именно большевизм...

В а р т а н ь я н ц. Товарищи, просьба не отвлекаться от темы.

Ч е р н о к о т о в. Поскольку Достоевский бессмертен, будем считать, что он ныне заживо реабилитирован (*смеется. К Сашеньке*). Вот так мы умеем посторонних смешить... Друг друга по зубам... Вон оно русское решение вопросов.

С а ш е н ь к а. Перестаньте мне мешать (*к Трушу*). Простите, повторите, пожалуйста, фамилию.

Ч е р н о к о т о в. Верховенский Степан Тимофеевич... Это из „Бесов“.

Т р у ш. Так как всякое мое слово вызывает возражения некоторых лиц, я позволю себе прочитать первую страницу сочинения Эдемского... Первоисточник.

К о л м а к о в а. Все присутствующие здесь читали... И с вашей стороны это уже не реплика, а выступление.

Т р у ш. Во-первых, читали не все. А во-вторых, если и читали, то давно... Редсовет дважды переносился... Неплохо бы освежить в памяти... Итак, читаю: „Сегодня Достоевский заслоняет собой всю великую российскую литературу девятнадцатого века, не вбирает в себя, не венчает, а именно заслоняет, как тень. Ему удастся заслонить даже Толстого. Еще в большей степени самого Пушкина. Только Чехову, как это ни странно на первый взгляд, удастся протиснуться и встать рядом. Все же остальное почитается, но отодвинуто. Или, что хуже того, вся российская литература девятнадцато-

го века ныне воспринимается под углом зрения Достоевского и через Достоевского. И у нас и на Западе". Конец цитаты... Казалось бы, радоваться надо и благодарить, что интерес к Достоевскому пробудил на Западе интерес к русской литературе. Ан нет, и здесь недовольство...

М о н ц е в и ч (*старичок с профессорской внешностью и аппетитными губами гурмана*). М-да... Хе... Фи... Эп... эп... Очень верное наблюдение... Я в том смысле, что согласен с автором, а не с его оппонентом. Студенты всегда охотнее занимаются Достоевским... А Гончаров, например, или Фет... Тут пробелы неуспеваемости... Это... Хе... Фи... Эп... Тут верное наблюдение.

Ш м у л е р-Д и с н ы й (*лекторским говорком, в котором чувствуется привычка не выступать, а подводить итог*). У меня вообще только в юности был любимый писатель... В зрелости у меня любимого писателя не стало. Сегодня мне нужен Толстой, завтра Фет, потом Пушкин, в пятницу Достоевский, а в субботу опять тот же Фет.

Открывается дверь и появляется запыхавшийся **К у г у ш е в**.

К у г у ш е в (*молодой человек, одетый модно и с достатком, при русской бородке и усиках и чем-то напоминающий Чернокотова по облику*). Прошу прощения за опоздание. Общий поклон.

С о с к и с. Вы так редко ходите к нам на редсоветы, Олег Андреевич, что мы о вас уже забывать начали.

К у г у ш е в (*разводит руками*). Все дела, Михаил Залманович... Я и сегодня был занят... Но Достоевский... И, наконец, работа достаточно своеобразна.

Т р у ш. По крайней мере, шумна.

В а р т а н ь я н ц. Олег Андреевич, товарищи... Работа нам предстоит трудная. Давайте не отвлекаться.

Т р у ш. Я кончаю (*заглядывает в рукопись, листает*). Это все пропустим, это общие места... Вот он, гвоздь сезона, как говорит газета „Советский спорт“ (*цитирует*). „В последнее время, то есть где-то с начала века, Запад все время норовит назначить России „русского гения“... Но если возвы-

шение Достоевского, ставшее неизбежным после всемирной подмены духовных поисков научным психоанализом, носит все же трагический характер, то подобные же явления в наше время напоминают уже фарс..." Выходит, русского гения Достоевского нет... Есть некий Достоевский, доставленный с Запада в plombированном вагоне...

К о л м а к о в а. Только не надо передергивать.

Т р у ш. А про нынешний фарс... На кого это намекается, против кого выпад?..

В а р т а н ь я н ц (*поспешно и сердито*). Давайте не заниматься дрызгами, Элем Анатольевич, вы меня извините... И если Запад пытается присоединить к Достоевскому нынешних литературных оборотней, то давайте не будем этому способствовать...

К а р а б и н о в и ч. И давайте все-таки обойдемся без домыслов. Раз вы взялись читать текст, читайте его без комментариев.

Т р у ш. Без комментариев текст читается диктором. А поскольку дикция у меня недостаточно хороша, то я уж как-нибудь так... по-своему...

Ч е р н о к о т о в. Правильно, Элем.. Вы согласны, Сашенька?

И р и н а М о и с е е в н а. Товарищ, не мешайте работать.

Т р у ш. Достоевский как художник — величайший гуманист всех времен и народов — выстрадал право быть совестью униженных и угнетенных... И потому исказить Достоевского в угоду собственной корысти, по меньшей мере, кощунственно.

С о с к и с. Вы кончили, Элем Анатольевич?

Т р у ш. В общих чертах... Но я еще буду выступать.

С о с к и с. Пожалуйста, Ольга Юрьевна.

К о л м а к о в а. Я помню, с каким интересом было встречено появление данного автора у нас... То есть я имею в виду его замысел. Он был тогда единодушно одобрен.

Т р у ш. Не надо гиперболизировать. И я, и Михаил Залманович Соскис с самого начала видели в этом грубую вульгаризацию.

К о л м а к о в а. Во всяком случае, большинство было за.

И Лобачев Георгий Исаевич, и Петрузов Федот Тимофеевич, и Кугушев Олег Андреевич, и вот Зоя Константиновна, да и сам Павел Дмитриевич Вартаньянц...

В а р т а н ь я н ц. Извините, уважаемая Ольга Юрьевна, давайте будем говорить не о том, что было, а о том, что есть.

Ч е р н о к о т о в. Правильно.

Т р у ш. Ладно тебе, Вася...

К о л м а к о в а. Так что же есть, если уж так прямо ставить вопрос... Есть, на мой взгляд, талантливая, хоть и спорная работа, исследующая новые, неисследованные области творчества Достоевского.

Т р у ш. Это исследование имеет своим предтечей исследование одной француженки об угловых домах, в которых жил Достоевский. Достоевский, мол, стремился нанять комнату всегда в угловом доме... Этому посвящена целая монография... В угловых домах человек, мол, не чувствует себя в ряду, у него впечатление разъединения... Угловой дом как символ духовной свободы (*смех*).

К о л м а к о в а. Я не вижу у нашего автора ничего общего с этой, действительно, нелепой теорией. Эдемский прикасается к глубинам трагизма в мыслях Достоевского.

Т р у ш. Правильнее было бы сказать „к истокам“, по крайней мере, это по-русски...

К а р а б и н о в и ч. Пора прекратить все выкрики с мест.

К о л м а к о в а. Иван Карамазов и Раскольников, как правильно заметил автор, две основные фигуры творчества Достоевского. Это по-настоящему глубокие и цельные атеистические фигуры... Это фигуры, напрочь отрицающие Бога...

Ч е р н о к о т о в. Автор-то заметил... А вы сами что заметили?

В а р т а н ь я н ц. Я в последний раз вас предупреждаю, Чернокотов.

Ч е р н о к о т о в. Ведь я не один с места... Здесь творческая полемика. Почему же ко мне такое отношение?

Т р у ш. Ладно, тише, Вася...

К о л м а к о в а. Достоевский пришел к атеизму не из

изучения философских воззрений, а, главным образом, само-наблюдением. Он пришел к атеизму не разумом, а наощупь. В этом его сила и в этом его слабость.

Т р у ш. Во время культа личности нам внушали, что Пушкин декабрист, а Герцен марксист. Теперь новое открытие: Достоевский — диалектический материалист... Чуть ли не заотделом пропаганды и агитации.

Ж у о в ь я н. Судить о всякой работе нужно по самой работе, а не по тому, как она понята даже и теми, кто ее положительно оценивает.

К о л м а к о в а. Я считаю, что мое понимание во многом близко авторскому, за исключением частных, по которым я с автором не согласна... Я, например, не согласна, что главная тайна человека вне человека... Это и туманно и неверно. Однако в целом я считаю работу интересной и „за“ обеими руками.

Э д е м с к и й. Но ведь это не частность, а основа основ... Это, может быть, ключ к моему пониманию творчества Достоевского... В человеке или вне человека главная тайна... Русские мальчики, это любимое выражение Достоевского, русские мальчики в грязных трактирах, решающие мировые божеские вопросы.

Ч е р н о к о т о в. Именно русские мальчики... В том-то и дело, что русские...

Э д е м с к и й. Им не терпится оставить дела человеческие, которые для них — будни, и заняться божескими... Тем не менее, я не могу согласиться с Бердяевым в том, что Толстой обращен к устоявшемуся прошлому, в то время как Достоевский — к невидимому грядущему... Достоевский постигает тайну Божью через тайну человеческую, утверждает Бердяев... Но доступна ли ему тайна человеческая? Доступна ли она художнику, который, по собственному выражению Бердяева, был начисто лишен дара перевоплощения, ибо для того, кто лишен дара перевоплощения, не только грядущее, но и нынешнее возможно только в лабораторной колбе... Явление же в наши дни многих его пророчеств не более, чем оптический обман, рассеивающийся при более внимательном и вдумчивом рассмотрении.

Петрузов. Не во всем я согласен, но насчет пророчеств верно. Это не более, чем пасквиль типа „Бесы“. И недаром Максим Горький...

Соскис. Оставим в покое авторитет Алексея Максимова... Давайте все-таки не перебивать автора... Выслушаем до конца, чтобы решить дальнейшее.

Эдемский. И еще более важно, можно ли всерьез говорить о пророчествах художника, который не ощущал двупольность человеческого существа, прекрасно переданных немецким философом Яковом Беме. Достоевский единственный из значительных русских литераторов девятнадцатого века, кому была недоступна женская судьба... Ощущая одно лишь мужское начало и будучи начисто лишен доступа к началу женскому, он неизбежно должен был прийти к антихристианской теме свободы как основного вопроса человеческого бытия и к преступлению без наказания Раскольникова. Только ощущение в личности обоих начал, мужского и женского, дает любовь. Однополярная личность жаждет только свободы, а высшее проявление свободы есть убийство... Двупольность личности чувствовал Толстой... Однополярность же ведет к преступлению без наказания... *(Шум, оживление.)* Убийство есть стандартное преступление в человеческой истории еще со времен Каина, но Раскольников совершил качественно новое убийство и стремился к качественно новой свободе, убийство двадцатого века, основанное не на личном эмоциональном порыве, то есть на том единственном, что если не оправдывает, то хотя бы объясняет убийство, а убийство, основанное на личном теоретическом доктринерстве, убийство, которое сперва совершается в теории, а затем осуществляется на практике, оно становится особенно понятным в свете того ультиматума, который предъявляет Иван Христу, а через него Богу: если нет бессмертия — значит, мировой процесс не имеет смысла... А если нет смысла — значит, все позволено, ибо единственное, что твердо видит личность в своем будущем, — это свою могилу... Эта мысль часто являлась людям в виде соблазна и в прошлом, но в двадцатом веке эта мысль стала во главе угла *(Эдемский говорит все более торопливо и воз-*

бужденно). Двадцатый век — это век однополюсности человеческого существа, отделение друг от друга мужского и женского начала, что привело к бурному развитию наук и оскудению моральных ценностей.

Т р у ш. Это Достоевский-то научный писатель?!

Э д е м с к и й. Достоевский есть всестороннее воплощение идеального ревизионизма... Об этом позднее и подробнее, но суть ревизионизма в том, что он проклинает и отвергает нечто, опираясь на отвергаемое и проклинаемое... Достоевский это вторжение научных методов мышления в духовное... Недаром Достоевским восхищались знаменитые ученые Эйнштейн, Фрейд... Творчество Достоевского — это, действительно, рождение душ двадцатого века. Но душ вне плоти... Душ, выраженных не через характер, а через идею...

К у г у ш е в. Вы хотите сказать, через типаж, а не через характер... Но, может, это не Достоевский отменил характер... Может, проблемы, которых касался Достоевский, требовали не характера, а типажа... Может быть, наше время, а Достоевский отражал под масками девятнадцатого века именно наше время, даже не начало двадцатого века, а именно ваше время, может быть. наше время заменило характер типажем, и в этом художественное прозрение Достоевского... Коллективное, массовое существование даже крайнему индивидуалисту вместо характера оставляет только типаж. А типаж не требует плоти.

Э д е м с к и й. С этим я отчасти могу согласиться.

К у г у ш е в. Что значит „отчасти“?

Э д е м с к и й. Отчасти — это значит, что при однополюсности человека характер не требуется... Суть его может быть выявлена и без участия плоти.

К у г у ш е в. Но тому, кто дошел до пределов отчаяния, ни к чему плоть... Достоевский не видит иного пути спасения, как отказ личности от самого себя... Человек никогда не бывает ближе к Богу, чем тогда, когда он доходит до пределов отчаяния.

Э д е м с к и й. Да, но это бог потребителя и неудачника... Это бог индивидуалиста... Индивидуалист подходит к такому богу всегда как вымогатель... Человек наиболее близок к

подлинному Богу, когда он менее всего думает о нем, трудясь для земли, а не для себя.

К у г у ш е в. Но лишь от запутавшегося человека можно ждать вопля о помощи: „Господи, к кому же нам идти... У тебя глаголы жизни вечной...“ Лишь будучи выброшен из человеческого общества, Раскольников встретился с Евангелием.

Э д е м с к и й. При взаимном милосердии неба и человека небо доступно даже и преступнику... Вы же, следуя Достоевскому, доказываете, что по-настоящему небо доступно только преступнику...

К у г у ш е в. Есть, конечно, известная запутанность, ее допускал и Достоевский... Культура предлагает обычно прямые пути... Но пути извилистые и есть пути гения.

Ж о в ь я н. Это цитата?

К у г у ш е в. Да, но чья, не помню.

В а р т а н ь я н ц. Позвольте мне все-таки вмешаться в ваш богословский спор... Несмотря на то, что Михаил Залманович просил не прерывать автора, я теперь жалею, что не сделал этого, хоть всегда уважал мнение Михаила Залмановича... А вы, Олег Андреевич... Странно, странно, вот уж не ожидал.

С о с к и с. А я не жалею, что дали автору высказаться... Пора, наконец, поставить точки над „и“.

Т р у ш. Во-первых, явное противоречие. Сперва автор отказывает Достоевскому в пророческом даре, а затем говорит, что некоторые пророчества все-таки сбылись в двадцатом веке.

Э д е м с к и й. Сбылись некоторые его не сознательные, а бессознательные пророчества... Те, которые как раз противоречили его сознательному мировоззрению.

Л о б а ч е в. Так чаще всего и бывает.

Э д е м с к и й. Но Достоевский весьма редко бывает бессознателен. Даже мистика его научна.

В а р т а н ь я н ц. Я все-таки продолжу свою мысль. До выступления автора было нелегко, но после его выступления стало еще хуже. Вы знаете, что я в отличие от Михаила Залмановича Соскиса был одним из сторонников установления с

автором договорно-финансовых отношений. Приходится публично признать, что автор не оправдал наших надежд.

К а р а б и н о в и ч. В этой нервной обстановке, Павел Дмитриевич, при наличии, мягко выражаясь, нетактичного поведения со стороны некоторых лиц, автор, естественно, мог высказать ряд непродуманных, весьма спорных мыслей. Но ведь и вы, Павел Дмитриевич, и Алексей Иванович Хомятов, с которым я говорила по телефону и который обещал присутствовать сегодня, но, к сожалению...

В а р т а н ь я н ц. Извините за то, что перебиваю вас, Зоя Константиновна, не к сожалению, а к счастью... Если бы Алексей Иванович услышал данное высказывание автора... Во-первых, бердяевщина... Выкапывание политических и литературных трупов...

К а р а б и н о в и ч. Но автор спорит с Бердяевым...

В а р т а н ь я н ц. Не во всем... А там, где он спорит, становится еще хуже... Там является мистицизм, дуализм, Беме, Фрейд... В общем, у автора известный хаос в голове...

К о л м а к о в а. О Фрейде он упоминает также в отрицательном смысле.

В а р т а н ь я н ц. Ольга Юрьевна, мы ведь тоже кое-что знаем и кое в чем разбираемся... Его нелепая концепция о мужском и женском начале типично фрейдистская.

К а р а б и н о в и ч. Но ведь пафос работы не в том... Да, высшим аргументом нравственных исканий и антитез в романах Достоевского была религия. Но это было не официальное церковное христианство, а христианство „Нагорной проповеди“, по существу, чуждое мистицизма, по существу, антирелигиозное, атеистическое... Об этом и говорил Алексей Иванович.

Э д е м с к и й. Достоевский совершенно не понимал „Нагорной проповеди“... Что же касается Зигмунда Фрейда, то в науке и медицине его достижения бесспорны... Это не что иное, как механизация и научное освоение духовной тайны, разумеется, в самой незначительной ее части... Фрейдизм — это сознательная жертва... Жертва недоступного для практического применения духовного целого, бесконечного и необъят-

ного, ради каждодневного частного, пригодного для использования и врачевания... Пригодного к практической жизни... Повторяю, в науке такая жертва оправдана и плодотворна, но в сфере духовного она хоть и приводит к временным успехам и открытиям, к освоению духовного посредством психоанализа, но при более внимательном и продолжительном рассмотрении открытия эти оказываются ничем иным как попыткой материализации и заземления высшего и небесного...

С о с к и с (*улыбнувшись*). Странная формулировка... Станный упрек Федору Михайловичу... Вот видите, Зоя Константиновна, вы пытаетесь все это нам приукрасить, а сам объект ваших стараний все тут же разрушает... Сизифов труд.

К о л м а к о в а (*тихо, Эдемскому*). Замолчи. (*К Жуовьяну*.) Сережа, возьми его за руку и дерни крепко. Пусть молчит. И так напортил хуже любого врага.

К а р а б и н о в и ч. Дело не в том, что сейчас в этой обстановке выкрикивает с места автор. Человек он сложный, многих он раздражает. Но я хотела бы сказать, что Хомятов, Алексей Иванович, совершенно верно подметил...

Звонит телефон.

В а р т а н ь я н ц. Простите... Вера Степановна, возьмите трубку.

В е р а С т е п а н о в н а (*приоткрыв дверь*). Вас, Павел Дмитриевич, Бэла Николаевна.

В а р т а н ь я н ц (*морщась, берет трубку*). Да... Хорошо... Бэлочка, у нас сейчас совещание... Таблетки я принял... Позвони позже... Бэлочка, я не могу сейчас с тобой говорить... Всего... (*Вешает трубку. Карабинович.*) Прошу вас...

К а р а б и н о в и ч. Алексей Иванович Хомятов совершенно правильно подметил, и я с ним совершенно согласна, что Эдемский в лучших своих местах касается темы, затронутой самим Федором Михайловичем Достоевским в набросках „Социализм и христианство“: потеря человеком непосредственных ощущений при полном сознании — вот источник трагедии. И Раскольников, и Версиров, и Иван Карамазов, и Человек из подполья именно таковы. Мне только непонятно,

почему автор в полемическом задоре, что ли, отказывается от собственных воззрений.

Ж у о в ь я н. Автор от своих воззрений не отказывается, ибо потеря непосредственных ощущений при полном сознании и есть потеря Бога без приобретения чего-нибудь взамен. Сама жизнь такого человека скорее напоминает научный эксперимент, а не таинство... Таковы все герои Достоевского...

Л о б а ч е в. Но подход ваш здесь предвзят и односторонен. Я это говорю несмотря на то, что не только не перечеркиваю работу, но считаю ее во многом плодотворной и приветствую, если не крайние ее выводы, то, во всяком случае, сам факт ее появления... Насколько я помню статью „Социализм и христианство“, там сказано примерно так: „Если б не было указано человеку в этом состоянии цели, то он бы сошел с ума всем человечеством“. Значит, утверждение потери Достоевским Бога без чего-нибудь взамен несерьезно.

В а р т а н ь я н ц. Давайте все-таки поговорим о термине „Бог“.

Т р у ш (*саркастически улыбаясь*). Павел Дмитриевич, не думаю, что кто-либо сидящий здесь, вкладывает в термин „Бог“ иное понятие, чем указано в кратком словаре по философии... Бог — это термин, расположенный в алфавитном порядке между термином „Благо“ и термином „Буржуазия“.

Ч е р н о к о т о в. Это все не русские слова... У нас не „Бог“, а „Господь“... Я надеюсь, Сашенька, что вы термин „бог“ пишете с маленькой буквы?

С а ш е н ь к а. Не мешайте работать, прошу вас.

Ч е р н о к о т о в. Молчу, молчу... Молчу и испаряюсь...

Ж у о в ь я н. Когда я говорю о потере Достоевским Бога без приобретения чего-либо взамен, то имею в виду цели равнозначной... В огненных словах Ивана ощущается подспудно удивление и возмущение бесполезностью для смертной человеческой личности проповедей Христа... Личностью Христа Достоевский хоть временами, но восхищался, проповедями же Христа — никогда... Религиозные споры Достоевского вообще производят несерьезное впечатление. Недаром „Вели-

кий Инквизитор” не диалог, а монолог... Да и может ли быть спор между апокалипсическим человеком Иваном, самым глубоким и искренним характером Достоевского, и самым неинтересным и малохудожественным образом Достоевского — Алешей... Два одинаковых выкрика Алеши о неверии в Бога сначала инквизитора, потом его создателя Ивана, вот и вся его ценность... Два выкрика, оставшихся фактически без ответа, это прямая материализация безмолвных ночных выкриков Достоевского самому себе... Два выкрика и два юношеских поцелуя. Один устами безмолвного, а, значит, кастрированного Христа, ибо основа Христа — это слово, а не дело и не распятие. Другой устами впадающего в малохудожественную риторику Алеши... Я говорю несколько хаотично, но раз уж коснулся, давайте и другие случаи вспомним. У меня записано *(он торопливо порылся в бумагах)*. Вот разговор Ставрогина с Шатовым из „Бесов”... „В то время, как вы насаждали в моем сердце Бога и родину, вы отравили сердце этого несчастного, этого маньяка Кириллова ядом”... Здесь, собственно, ценно стоящие рядом „Бог” и „родина”... Прошу заметить... И далее: „Вы атеист? — спрашивает Шатов Ставрогина... Да... А тогда?.. Точно так же, как и тогда”. Атеист, насаждающий Бога. Кто же этот Бог? Что же этот Бог... И далее говорит Шатов: „Вы помните выражение ваше: атеист не может быть русским, атеист тотчас же перестает быть русским”. То есть понятие „атеист” и понятие „антипатриот” совпадают... Здесь не о религиозном, а о национальном речь... Далее, ставшая уже в известной степени хрестоматийной фраза о том, что лучше остаться с Христом, чем с истиной, если истина вне Христа... Кто же этот Христос? Вернее, что же этот Христос? И о какой же безусловно мировой истине идет речь? Несколькими строками ниже об этом уже прямо сказано... Отрицание общего Бога, цель народа в искании своего Бога, национальное богоискательство, отрицание общего понятия о добре и зле, утверждение своего национального понятия о добре и зле не в некоей таинственной мистической форме, а в прямой лозунговой, чуть ли не митинговой... Достоевский вообще гораздо более целен и более ясен, чем его

пытаются представить почитатели, особенно такие, как Ме-режковский и Розанов.

С о с к и с. А как же такие почитатели, как Альберт Эйнштейн, для которого глубина Великого Инквизитора дала, по его словам, больше, чем математика Гаусса.

Ж у о в ь я н. Эйнштейн был естественник. Вряд ли такой дошедший до конца разум, как Эйнштейн, способен быть авторитетом в вопросах нравственности. Не в бытовом, конечно, смысле нравственных... Высокая нравственность не терпит разума, дошедшего до конца. Это уже буддийская нравственность, нравственность расчленения и перегноя... Достоевский художественен, когда он целен, а не расщеплен... Когда он целен, то иногда интересен, хоть и нелюбим мной. Когда же он расщеплен, то и нелюбим и всегда неинтересен.

Т р у ш. Наконец-то важное признание, вы Достоевского не любите.

Ч е р н о к о т о в (*со злобой*). Какая там нелюбовь... это, Элем, черная ненависть к нашему русскому гению.

Ж у о в ь я н. Я Достоевского не люблю и не считаю это преступлением. Так же как не любил, даже ненавидел его архирусский писатель Бунин. Да и вряд ли его мог любить, в конечном итоге, а не в текущих взаимоотношениях и эмоциональных моментах, любой из святых литераторов девятнадцатого века.

Л о б а ч е в. А чтение Толстым „Карамазовых“ в день смерти, на смертном ложе?

Ж у о в ь я н. Признак предсмертного душевного хаоса.

Л о б а ч е в. Ну, от вас я ожидал более удачного аргумента. И что вообще это за странные категории в определении такого высокого, чуть ли не природного явления, как Достоевский... Люблю – не люблю...

Ж у о в ь я н. Да, я не люблю Достоевского той несерьезной, может быть, с высоких позиций, но дорогой мне, домашней любовью, как я люблю, например, Пушкина... Помимо высокой любви к Пушкину, у меня есть к нему любовь домашняя, личная... А Достоевского я домашней этой любовью не люблю, но он бывает мне интересен, особенно не в мистич-

ные его моменты. Это мистицизм политический, то, что в средневековье противостояло религии. Мистицизм Достоевского, как всегда, есть следствие отчаяния, чаще всего — отчаяние перед грядущей могилой. Тогда и возникает неприязнь, даже ненависть к натуральному материализму... К комьям земли, к кладбищенским соловьям, к мгновенному обесцениванию своего тела, которое еще недавно было так дорого всем близким и любящим... Для сознательного, потерявшего непосредственное ощущение апокалипсичного человека мысль о смерти ужаснее пытки раскаленным железом... Такую мысль без религиозного чувства выдержать невозможно. Тут уж невольно предъявишь ультиматум и Богу, и Христу... Попытаешься стать Наполеоном, чтобы отомстить Богу за начиненный смертью, как пирог яблоками, Божий мир...

В а р т а н ь я н ц (*нервно Жуовьяну*). Либо говорите по существу, либо не занимайте дорогое нам время (*к Ирине Моисеевне*). Это выступление можно не стенографировать, товарищ не член редсовета...

И р и н а М о и с е е в н а (*Сашеньке*). Эту страницу вычеркните.

Ж у о в ь я н. Я все-таки закончу, хоть и не под стенограмму... Итак, Шатов — Ставрогин... Мечта о создании русским народом своего Бога... Мечта о русской религии... Наполеоновская мечта... Не только петербургского Наполеона — Раскольникова, но также несбывшаяся мечта парижского Наполеона... Мечта увидеть себя с алкораном на белом коне... Мечта о превращении России в новую Палестину, а Петербурга, вернее Москвы — в Новый Иерусалим... Мечта о новом русском Христе, который русскую землю обойдет, благословляя..

Ч е р н о к о т о в. Хватит здесь вести семитскую пропаганду (*силится встать, но его удерживает Труш*). Залман, то есть Михаил Залманович, вы уж вмешайтесь... По-интернациональному.

П е т р у з о в (*наклонившись к Чернокотову*). Перестань, Вася... Ты ставишь Соскиса в неловкое положение.

Ж у о в ь я н (*указывая пальцем на Чернокотова*). Вот оно наяву — трактирное словоблудие.

С о с к и с (*Жуовьяну*). Прекратите грубить... Вам разрешили присутствовать здесь по просьбе вашего товарища, не подводите его. Мы ведь можем прервать редсовет, основной более чем достаточно.

К о л м а к о в а (*Жуовьяну*). Садитесь, Сережа.

П е т р у з о в (*Чернокотову*). Уймись, Вася.

Ч е р н о к о т о в (*которого явно развезло в духоте*). Я не только интернационалист, но даже унтер-националист и обер-националист (*смеется*). (*Петрузов безнадежно машет рукой*.)

К у г у ш е в. Разрешите мне.

Ж у о в ь я н. Но я еще не кончил.

К у г у ш е в. У меня пока не выступление, а вопрос к вам... Совсе не желая перечеркнуть всего вами сказанного, я хочу спросить, почему вы отказываете Достоевскому в праве мечтать о создании русским народом своей идеи или своего Бога, употребим этот удобный термин, так же, как в свое время создали свою идею Бога древние греки или древние евреи?

Ч е р н о к о т о в. Ну, старикам везде у нас почет... Молодым везде у нас дорога... Милости просим... А русский человек пусть скот пасет...

Т р у ш. Давай выйдем, Вася, проветримся.

Ч е р н о к о т о в. Я молчу... Все... Глух и нем... Вернее, нем, но не глух, мотаю на ус.

Ж у о в ь я н. Достоевский прямо заявляет, что если бы перед ним возник выбор — атеизм и социализм или римское католичество, то он бы выбрал атеизм и социализм... Идея же римского католичества была совершенно ясна Достоевскому, и я не могу согласиться с теми, кто пытается доказать, будто Достоевский понимал ее превратно... Идея католичества — это преобладание религиозного над национальным. Это наибольшее приближение в христианстве юдаистической идеи, в которой религия на века не то что подавила, но даже подменила национальную жизнь целого народа.

Ч е р н о к о т о в. Подлейшая идея... Биробиджанская идея...

П е т р у з о в. Тише, Вася...

Ж у о в ь я н. Достоевский к моменту написания „Преступления и наказания“, не говоря уже о „Бесах“ и тем более о „Братьях Карамазовых“, уяснил для себя окончательно, что религиозное начало в крайности своей полностью отрицает национальное начало и наоборот... Вот, собственно, основа, хоть и невидимая ясно, его идейных споров... Конфликт Великого Инквизитора, пафос утопии Версилова... Это отрицание религиозного Христа и утверждение Христа национального, русского.

К у г у ш е в. Но разве не через национальное каждый народ приходит к всемирному?

Ж у о в ь я н. Но это всегда происходило через упадок национального... Через отделение силы от мессианской идеи (*роясь в бумагах*). У меня вот записано: „Если великий народ не верует, что в нем одна истина (именно в одном, и именно исключительно), если не верует, что он один способен, призван всех воскресить и спасти своею истиной, то он тотчас же обращается в этнографический материал, а не в великий народ. Истинный великий народ никогда не может примириться с второстепенной ролью в человечестве... Единый народ-богоносец — это русский народ!“ Иными словами, дилемма Раскольникова — „тварь я дрожащая, или власть имею“ в общенациональном масштабе... И попытка добиться мессианства силой... А рядом вся та же навязчивая идея из романа в роман... Ни в одном из сочинений великой русской литературы девятнадцатого века не ставится так и не ставится столько раз вопрос о Боге: „Я хотел бы лишь узнать, спрашивает Ставрогин Шатова, веруете вы сами в Бога или нет. — Я верую в Россию, я верую в ее православие, я верую в тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России... Я верую, — залепетал в иступлении Шатов. — А в Бога, в Бога? — Я... Я буду веровать в Бога...“ Вот и весь ответ в духе юношеской риторики Алеши, в духе митинговой морали старца Зосимы... Ясно, что не Бог спасет от страсти к мучительству, от сладострастия к деткам, от преступления и зла в самых недрах души... Не религиозный, а национальный Христос спасет... Тут уж кончается богоискательство и начинается богостроительство...

К у г у ш е в. Вы все-таки не ответили, почему, пройдя даже этот, согласен, хоть и ужасный, даже ошибочный, но самостоятельный духовный путь, нельзя прийти к общему и новому всемирному... Разве не через грех открывается истина... Чем ночь темней, тем ярче звезды...

Ж у о в ь я н. Религиозная истина открывается через религиозный грех, а национальное — через национальное... Религиозный и национальный пути противоположны... Достоевский всем своим творчеством, кроме „Бедных людей“, когда он ходил еще в „гоголевской шинели“, отрицал религиозный путь и утверждал национальный... Это, собственно, основная мысль работы Эдемского, как я понимаю.

П е т р у з о в. В этом положительная идейно-творческая сторона работы... Но сколько хаоса, сколько хаоса...

В а р т а н ь я н ц. В том-то и дело... В работе Эдемского есть положительные моменты, поэтому я был за договорно-финансовые отношения, но надо отделить пшеницу от плевел. Мне кажется, во многом он ломится в открытую дверь.

К у г у ш е в. Но если религиозный путь отрицает путь национальный и наоборот, то где же выход?

Ж у о в ь я н. А если жизнь отрицает смерть, а смерть — жизнь, то где выход?

Э д е м с к и й (Жуовьяну). Это, Сережа, не совсем так... Приемлемый выход без крайностей и научно-политического мистицизма дан в Нагорной проповеди... Приемлемый выход во взаимоотношении религиозного и национального... Но Достоевский, да и не только он, главное в Нагорной проповеди отрицал. Главное-то в ней не заповеди — ни древние, ни новые, — главное, общий дух, без которых эти заповеди бесполезны. Главное в примирении противоположных начал, в равновесии между законом и любовью... Собственно древние заповеди „Не убий, не укради“ террорист Раскольников походя перечеркнул.

Т р у ш. Неважно что, важно, чтоб пооригинальней... На вербе груши растут...

С о с к и с. Давайте все-таки уйдем от теологических споров... В свое время я, как известно, долгое время ходил в

космополитах... И поводом к этому, толчком послужила моя работа, написанная в тысяча девятьсот сорок восьмом году, которая называлась „Европеец Достоевский“. Разумеется, у Достоевского было немало заблуждений, это знает каждый школьник, но отдавать нашего великого русского гения целиком в распоряжение этих заблуждений, делать их главными в творчестве Достоевского, основой его мировосприятия, это, пожалуй, пришлось бы по вкусу именно сильным людям, недобрых времен космополитизма.

Петрузов. Правильно, Миша... Коснуться хотя бы патриотизма Достоевского...

Соскис. Это, я бы сказал, вторая дурная тенденция в работе Эдемского... Сейчас вообще стало модным ругать, так называемых, славянофилов... Чуть какая-нибудь русская деталь, воспевание, например, старого от дедов-прадедов самовара, семейной реликвии, которая, естественно, дороже телевизора, или босоногого деревенского детства — сразу ярлык „славянофильство“.

Чернокотов. Михаил Залманович, как я вас все-таки люблю...

Труш. Тише, Вася (*Соскису*). Статья нашего уважаемого литератора Хомятова в уважаемом органе печати, на мой взгляд, тоже грешит в этом смысле...

Вартаньянц. Статья Алексея Ивановича Хомятова абсолютно правильна и своевременна... Под увлечением, так сказать, закопченными дедовскими дымоходами нехорошие, несоциалистические, шовинистические идейки проскальзывают... И пора прекратить бесполезную демагогию, которую кое-кто пытается развязать... Вы меня извините, но я не могу удержаться от резкости, так уж надоели эти намеки... Живем среди сплошных подтекстов и намеков (*закашлялся, вынул платок, вытер губы*).

Чернокотов. Раньше Хомятов пел о сталинских стройках, а теперь ругает славянофилов... Это, извините, по-французски — гешефт, а по-русски — свинство.

Вартаньянц (*вспылив и побагровев*). Мальчишка...

Я... То есть мы требуем, чтобы вы немедленно покинули редсовет... Мы требуем...

Чернокотов. „Мы“ в хлеву стоит...

Вартаньянц *(затрясся и так закричал, что Вера Степановна в испуге открыла дверь)*. Вон!

Чернокотов *(со злобой)*. Не пугай... Мы, сибирские, не пужливые... Подумаешь, лавочка... Эдемский с дамами... Вера, Абраша, Любовь...

Вартаньянц. Вон... Антисоветчину здесь проповедуешь...

Общий шум.

Колмакова. Какой мерзавец...

Жуовьян *(с ненавистью)*. Моя б воля, я б его на собственных кишках повесил...

Чернокотов. А ты в меня семитскую атомную бомбу кинь.

Вартаньянц *(Жуовьяну)*. И вы тоже... Как вас... Оба, оба покиньте редсовет...

Вера Степановна *(Чернокотову и Жуовьяну)*. Перестаньте хулиганить, молодые люди *(к Вартаньянцу)*. Может, швейцара снизу позвать, Иван сегодня дежурит, он их выведет...

Соскис. Надо всегда соблюдать золотое правило, никаких посторонних.

Чернокотов. Михаил Залманович, а что я такого... Ведь не свинья я сказал, а свинство... А хоть бы и свинья... Помните, у Федора Михайловича — „Полписьма одного лица“. И неужели в слове „свинья“ такой магический смысл, что каждый норовит принять его на свой счет?..

Петрузов. Выйди, Вася, а то я тебя выведу... Не срывавай редсовет... Как тебе не стыдно...

Труш. Пойдем, Вася *(берет его об руку. Тот уходит с Трушем, пошатываясь... Жуовьян тоже уходит... В дверях Жуовьян и Чернокотов сталкиваются, смотрят друг на друга с ненавистью и незаметно толкают друг друга локтями и брыкают ногами)*.

Л о б а ч е в. Сколько ненависти...

В а р т а н ь я н ц. Откуда эти чернокозовы?.. Откуда они берутся в наше время?.. Сколько лет как классовые противоречия давно ликвидированы...

П е т р у з о в. Да Чернокозов, Павел Дмитриевич, в психиатричке два раза лежал... Стоит ли обращать внимание... Больной человек

В а р т а н ь я н ц. Перед посторонними людьми неудобно. Пригласили профессуру... Вот Борис Борисович сидит и думает, ну и заведение.

Ш м у л е р - Д и й с н ы й. В крикливое время мы живем, Павел Дмитриевич, что поделаешь... Однако, мне кажется, что с самого начала редсовет пошел по неверному пути... Мне кажется, вообще реферат не готов к обсуждению... Меня поражает дилетантизм автора реферата... Его попытка изобрести велосипед в вопросах, фундаментально разработанных и нашим и зарубежным литературоведением... Да если б автор внимательно прочитал работы хотя бы присутствующего здесь Соскиса, Михаила Залмановича... „Европеец Достоевский“ прекрасно... И последняя работа – „Трагическая вина героев Достоевского“... Весьма непростая, вызвавшая критику в печати, и я не могу с ней во всем согласиться, но тем не менее...

Открывается дверь и на подносах Валя-буфетчица и Касьяновна вносят чай и бутерброды.

Ш м у л е р - Д и й с н ы й *(жуя бутерброд с ветчиной)*. Для нас, советских людей, Достоевский прежде всего возмутитель сытого, самодовольного обывательства, не прощающий ни Богу, ни черту плохо скроенную человеческую жизнь.

Э д е м с к и й *(жуя бутерброд с любительской колбасой)*. Мстящий человеку за плохо скроенную Богом жизнь... *(торопливо проглатывает мешающий говорить бутерброд)*. Достаточно вспомнить хрестоматийную антибиблейскую слезиночку ребеночка... Идеализация невинных деточек всегда сопутствовала ненависти к людям вообще...

Осторожно входит Х о м я т о в, солидный, немолодой уже мужчина вельможного вида с холеным, но добрым лицом, в котором, однако, угадывается и способность к сильным порывам и твердости почти безжалостной. Следом за ним проскальзывает Труш, вернувшийся после вывода им Чернокотова. Хомятов молча кивает Вартаньянцу и делает ему знак рукой не прерывать заседания. Садится в уголке на принесенный ему Верой Степановной стул. Колмакова и Карабинович оживленно, но тихо шепчутся.

Э д е м с к и й *(не заметив вошедших, продолжает)*. Только человек, твердо не верящий в Бога, а под Богом понимается смысл мира, только человек, отвергший в „Великом Инквизиторе“ второе пришествие религиозного Христа, подменив его тем самым в идеале Христом национальным, для которого мир — это Россия, и страдания человека — это страдания русского человека, все же остальное лишь этнографический материал, мешающий этому русскому миру, либо помогающий ему, только такой человек мог сознательно использовать для разрушения старого религиозного общечеловеческого мира, мира библейского Иова, бунт человеческой личности, стремящейся к материализации свободы.

К у г у ш е в. Но ведь свобода у Достоевского губит... Доводит до преступления, деятельная, активная свобода Раскольникова и Петра Верховенского, губит демоническая свобода Кириллова и Ивана Карамазова... С другой же стороны, Достоевский против принуждения, против внешних регулирующих законов... Человек не органнй штифтик... Гармония не может быть принудительная... И выбор новой идеи не может быть внешним, без испытания внутренней свободой... Я категорически не согласен с Эдемским, что „Великий Инквизитор“ есть некая проповедь национального в противовес религиозному.

К о л м а к о в а. Он так прямолинейно не утверждает.

Э д е м с к и й. Нет, утверждаю... И если угодно, прямолинейно утверждаю... Я не могу согласиться с теми, кто воспринимает Достоевского как таинственного писателя... Тайну вокруг него возвели последователи и толкователи... Особенно Бердяев, Розанов, Мережковский... Про зарубеж-

ных толкователей я уж не говорю... Достоевский, наименее таинственный из всех заметных писателей девятнадцатого века... Вернее, он не более таинственен, чем учебник по современной физике, его можно изучить, затратив усилия... Пушкин же на первый взгляд как будто букварь, но никакими усилиями его не одолеть до конца... Он не усилий требует...

Т р у ш. Слава Богу, хоть заметным Федора Михайловича признали наконец.

Э д е м с к и й. В чем Достоевский действительно гениален, так это в журналистике... Это, может быть, единственный в мире гениальный журналист... Что же касается литературы, она в противовес журналистике требует не ясности, а тайны... Не недомолвок, а творческой тайны... Я далеко не всегда понимаю, чем на меня воздействуют Пушкин, Гоголь, Толстой... Достоевский всегда ясен и в силе и в слабости... Искренности, а значит, художественности... нет художественности, а значит, искренности он достигает в разрушении старого божьего мира, и искренни у него атеисты и разрушители библейской морали... И, наоборот, малокровны, риторичны, надуманы его созидатели... Алеша, Зосима, женщины, наконец... Судьба женщины ему недоступна... Это один из немногих русских литераторов, которому недоступна судьба женщины... Опора всякого человеческого созидания — образы Чистой Девы и Святой Матери... Образы эти отсутствуют у Достоевского, по крайней мере, в его художественной половине... Женщины его не имеют ни собственной судьбы, ни собственного облика, они лишь момент в судьбе мужчины... Тут я согласен с Бердяевым, с человеком, к Достоевскому пристрастным, по-юношески влюбленным, которого менее всего можно в нелюбви к Достоевскому упрекнуть... Да и вообще, обладая столь высоким талантом в разрушении божьего мира, Достоевский не сумел создать ни одной святой страницы... Его активный националистический атеизм помешал ему сделать то, чего добился Чехов благодаря своему лиричному, пассивному атеизму... Здесь созидание в добром, утешающем цинизме... Слабость утешает и сеет добро... Все там будем... Нет, Достоевский на это согласен не был... Только всемирное величие

России могло заменить ему бессмертие... Чехову же заменяла вполне бессмертие мягкая, добрая насмешка над могилой — чужой и собственной... Мягкая насмешка, венчающая подчас самые горькие мысли... *(Эдемский устало сел.)*

К о л м а к о в а *(незаметно пожав ему руку, шепотом)*. Я наблюдала за Алексеем Ивановичем, он, кажется, тобой удовлетворен. Я так боялась, что ты лишнее сболтнешь, вроде чеховского цинизма или чеховской насмешки над могилой... Но это мелочь...

Э д е м с к и й. Ах, оставь... Вечно ты Бог знает о чем.

К у г у ш е в *(Эдемскому)*. Я не буду говорить с вами о главном... Тут нет и не может быть у нас контакта... Но коснемся частностей... В ваших выступлениях...

Т р у ш. Вернее, выпадах...

К у г у ш е в. В ваших выступлениях вы упорно не касаетесь образа князя Мышкина... А между тем, если вы уж поставили на вершину всякого творчества так называемые „святые страницы“, то „Идиот“ самое, может быть, любимое, самое свободное создание Федора Михайловича, наименее связанное с волнениями текущей действительности, как бы небесный свет, освещающий трагическое бытие Раскольникова и Карамазовых.

Э д е м с к и й *(отхлебнув холодного чая, хрипло)*. Князь Мышкин первоначально назван был князь Христос... Но если есть образ наиболее чуждый Христу, то это образ Мышкина... Достоевский так и не сумел создать идеал человека, которому ничто человеческое не было бы чуждо... Мышкину все человеческое чуждо... Он никогда бы не проклял безвинную смоковницу... Никогда б не сказал в усталости физической и душевной одному из тех многочисленных униженных и оскорбленных, которые обращались с просьбами-требованиями к Христу... „Род скверный и развратный, доколе буду с вами, доколе терпеть вас...“ Оно и неудивительно, ибо, по сути, Достоевский стремился к буддистскому, а не христианскому идеалу... Достижение любви путем отказа от себя как личности — это буддизм. А назвать буддистский образ князя Мышкина Христом, значит не понимать ни библейских, ни

евангельских истин, состоящих в противоположном... В достижении любви, сохраняя себя как личность, которой ничто человеческое не чуждо... По направлению Мышкин – это буддистский, а не христианский образ, но по художественному наполнению в нем нет даже и буддистской полноценности и полнокровия... Здесь сказывается несостоятельность всех европейских буддистов, сознательных или несознательных... Отказаться от себя и жить жизнью созерцательной они не способны, а любить, будучи собой, не могут... Все сводится к соединению несовместимого, то есть к убудочности и беснованию... В частности, образ Мышкина – это образ тихого беснования...

Ш м у л е р - Д и й с н ы й. Мы опять крайне уклонились от сути.

П е т р у з о в. Мне тоже кажется, что мы давно уже за пределами добра и зла.

В а р т а н ь я н ц (*улыбнувшись*). Вот Алексей Иванович, может, несколько слов скажет.

Х о м я т о в. Нет, нет... Я еще в ритм не вошел... Я слушаю.

М о н ц е в и ч. Я, пожалуй... Если не возражаете... Хэ... фи... эп... эп... У каждого свой Достоевский, но есть и общий... Это живая боль за Человека с большой буквы, такой Достоевский заставляет биться сердца и сжиматься кулаки. Такой Достоевский шагает сегодня рядом с нами в борьбе за прогресс, за победу света и разума... В „Преступлении и наказании“ Раскольников перекликается с теми, кто сегодня проповедует антикоммуникабельность... Писатель отвергает эту ницшеанскую философию... Родиону Романовичу Раскольникову помогает самозабвенная любовь Сони...

Э д е м с к и й. Да не раскаивается он.

М о н ц е в и ч. То есть как... Хэ... фи... эп... эп... А землю целует... На коленях перед народом...

Э д е м с к и й. Землю целует, а не кается. Он не для того землю поцеловал, что раскаялся, а наоборот, чтобы хоть этим возбудить в себе раскаяние...

К у г у ш е в. Дело не в раскаянии, раскаяния, дейст-

вительно, нет. Дело в мучениях, в невозможности раскаянием облегчить мучения...

Э д е м с к и й. Уж не совесть ли мучает? Ведь по Достоевскому, не закон и не общество, а лишь собственная совесть имеет право на казнь...

К у г у ш е в. Да, Федор Михайлович считал человека существом ответственным, не имеющим право перекладывать вину за свое преступление ни на общество, ни на обстоятельства... Безответственность личности есть унижение личности...

П е т р у з о в. Не могу согласиться. Именно атмосфера жизни, тогдашней действительности, царской крепостнической России калечила души, внушала им ложные идеи сверхчеловека.

К у г у ш е в. Или вспомним „Вечный муж“, сочинение, которое некоторые специалисты у нас и на Западе считают самым глубоким и ярким у Достоевского. Это, конечно, слишком, хоть и произведение, действительно, достойное и охватить его легче просто по объему. Мужа мучит именно неспособность к ревности, а через страдания ревности странная любовь к любовнику жены.

Э д е м с к и й. Синтетика... Рукотворная мистика...

К у г у ш е в. Что?

Э д е м с к и й. Наглядная модель человеческого подсознания из поролона, капрона и прочих современных материалов... Тогда это было открытием века, но теперь это не более чем химия...

К у г у ш е в. Химия... А вспомните, как Вечный муж грел тарелочки для любовника...

С о с к и с. Замечательная эта способность Достоевского, когда он увлекает нас в темные глубины психологии, уточнять все до малейшей реалистической детали... Этот реализм детали, дабы сделать реалистическую фантастику...

Л о б а ч е в. Да позвольте, но ведь это обыкновенное ремесло, а не открытие, оно любому литератору известно.

С о с к и с. Ремесло начинается с мастера. Достоевский

сделал это всеобщим достоянием... Конечно, как натура противоречивая, я бы сказал — трагически противоречивая...

Э д е м с к и й. Еще раз повторяю, Достоевский гораздо более цельная натура, чем его стараются представить... Сейчас, по прошествии ста лет, ясно то, что не всегда до конца осознавал сам Достоевский. Ясен тупик Раскольникова и выход из этого тупика, предлагаемый Достоевским... Трагедия и мучения Раскольникова в том, что он нарушил религиозные заповеди „Не убий, не укради“, создав свое доктринерское оправдание внутри старой религиозной идеи. Выход же из трагедии Раскольникова, который подсказывает всем своим творчеством Достоевский, — это разрушение религиозных заповедей, стоя на путях национальных... Это уже двадцатый век, и это одна из причин популярности Достоевского в двадцатом веке.

М о н ц е в и ч. Но позвольте... Хе... фи... эп... эп... Как правильно было замечено, бытовой сор, частное и местное, вот куда вас заносит... А шекспириальность философской партитуры, так сказать, выделение чистого продукта национальной мысли... Да, я не исключаю, да, Достоевский — художник, хотел он этого или не хотел, вскрыл иллюзорность религиозных обоснований братства, поставил вопрос о новых связях. Однако Раскольникова спасает любовь, вера в человека... Да, Достоевский низвергал идолов (выражение Герцена), развенчивал призраки (выражение Белинского и Щедрина).

Э д е м с к и й. Обоих сразу?

С о с к и с. Просьба уважать все-таки оппонента...

М о н ц е в и ч. ...Очищая общественное сознание от обветшалых, переживших себя... хе... фи... эп... эп... понятий. Мечта Достоевского-проповедника о втором пришествии, об обновленном христианстве испарилась под жаркими лучами художественного гения. Достоевского-творца, ибо высшим законом для гения есть правда. С неопровержимой силой эстетической логики показал он крушение миссии Мышкина-Христа, который не высвободил красоту из-под власти денег, не спас Настасью Филипповну, не удержал

от нравственного падения Аглаю, не просветил темную душу Рогожина... Хе... фи... эп... Не вынул из его руки ножа убийцы.

Э д е м с к и й. Точно таким же провалом оканчивается и последующее явление князя Мышкина народу, хоть костюмированное в средневековое одеяние и перенесенное в Испанию... Не в небесной любви, а в тихом земном своем бесновании целует князь Мышкин Великого Инквизитора в ответ на его атеистические проповеди... Ибо князь Мышкин, князь Христос, весьма близок Ставрогину и Раскольникову. Для него превыше всего не любовь, а свобода. Для Раскольникова свобода человеческих страстей, для Мышкина — свобода от человеческих страстей. Христос — богочеловек, Мышкин — не Бог и не человек. Достоевский был последователен, заявляя, что нет ничего страшнее для человека свободы... Но здесь следует добавить, что он страшился свободы в мире, основанном на религиозных началах, которые не воспринимал... Этому миру он возвратил свой билет... Только национальное богоискательство, по его мнению, способно вернуть свободу русскому человеку.

К у г у ш е в. Да, Достоевский принадлежал к эпохе катастрофического мироощущения... Русская душа вообще способна дойти до упоения гибелью... Помните прекрасные слова Андрея Белого: „Исчезни в пространстве, исчезни, Россия, Россия моя...“ В этом русская вечность и величие...

П е т р у з о в. И вы туда же... В бердяевщину...

Х о м я т о в. Разрешите, Павел Дмитриевич...

В а р т а н ь я н ц (*торопливо*). Да, пожалуйста...

Х о м я т о в. Я не собирался выступать, но высказывания товарища... Вот...

В а р т а н ь я н ц. Кугушева.

Х о м я т о в. Высказывания товарища Кугушева заставили меня высказаться... Одной из неотложных задач марксистско-ленинской критики является выбивать великодержавный шовинизм из всех участков литературного фронта, срывать с него маску там, где он боится принять открытый бой, раскрывать его отдельные выступления, как мо-

менты законченной системы великодержавных взглядов в литературной критике... В этом смысле мне гораздо ближе пафос работы товарища Эдемского, подчеркиваю, общий пафос, а не целый ряд положений, которые я считаю ошибочными. Однако критика ошибок должна быть всегда с правильных позиций. Гениальность Федора Михайловича Достоевского, как известно, недискуссионна, но в то же время мы не можем, не должны молчать, когда сегодня как за рубежом, так и у нас, превозносятся и оправдываются его великодержавные устремления. Выступление же товарища Кугушева напомнило мне пресловутые теориейки... Славянофильские теориейки...

Т р у ш . Да он не о том говорил...

В а р т а н ь я н ц . Тихо, товарищ Труш...

Х о м я т о в . Нет, извините меня, товарищ, о том. Идеология великодержавного шовинизма скрещивается с разнообразными теориями от буржуазного эклектизма до троцкизма... Я думаю, что пора уже покончить с либерализмом в данном вопросе, пора уже крепко ударить по рукам... Ударить тех, кто угрожает социалистическому интернационализму...

Т р у ш (*вскочив*). Только не надо угрожать и не надо употреблять терминологию времен культа личности...

В а р т а н ь я н ц . Товарищ Труш, призываю вас к порядку...

Т р у ш . А я не желаю здесь находиться... Среди людей, которые всякую патриотическую мысль о России подвергают гонениям и улюлюканию... Которые позволяют себе поднять руку на русского национального гения...

Выходит, хлопнув дверью.

Ш м у л е р - Д и й с н ы й . Вот он, современный нигилизм.

Л о б а ч е в . Если он ушел вовсе, то это плохо, но если он ушел в буфет, то это полбеды...

К о л м а к о в а (*тихо, Эдемскому*). Все идет хорошо... Вартаньянц, видишь, как изменился к тебе... Я же говорила,

главное, чтоб был Хомятов... Это Зое скажи спасибо, она его привела...

Эдемский (*раздраженно*). Да оставь меня, Ольга...

Соскис. Скандал за скандалом... Такой же редсовет я помню в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году... Причем, казалось бы, по совершенно апробированной теме... Кажется, что-то о Чернышевском.

Хомятов. С подобными личностями пора бы кончать либеральничать. Я говорил об этом на последнем пленуме.

Кугушев. Если я не так выразился или не так был понят, то прошу прощения... В целом я не разделяю взгляды Труша на работу Эдемского, и это автору и членам редсовета известно.

Петрузов. Да, в работе Эдемского есть немало положительного...

Лобачев. По крайней мере своеобразно... Наше литературоведение в большинстве ведь скучно, не поэтично, а здесь счастливое исключение...

Колмакова (*переглянувшись с Карабинович, к Эдемскому*). Слышишь, Рома... На сто восемьдесят градусов все.

Эдемский (*нервно*). Я сейчас, кажется, тоже встану и уйду...

Колмакова. Только попробуй.

Вартаньянц (*миролюбиво, Эдемскому*). Вы что-то хотели сказать?

Карабинович (*торопливо*). Нет, это мы с Эдемским тут между собой...

Монцевич. Разрешите, я закончу. Страсти страстями, а дело... хе... фи... эп... делом. Я согласен с автором и считаю своевременным поиски богостроительных и богоискательных моментов в творчестве Достоевского... Они могут под своеобразным ракурсом многое объяснить. Упомянутый здесь Бердяев, а также Мережковский, Ясперс, Минский берут за основу изучения действительности... Эп... Прошу прощения... Сартр и Ясперс... Берут за основу переживания личность, изолированную об общества... Даже такие ува-

жаемые нами люди, как Горький и Луначарский, не избежали заблуждений. Вспомним проповедь Луначарского о том, что Христа следует рассматривать не как Бога, а как революционного вождя и первого коммуниста. Вождя пролетариата Галилеи... Горький в ответ на анкету о религии в журнале „Меркюре де Франсе“ определял религию как чувство связи с прошлым и грядущим. В своем труде „Панидеал“ Гольдцарфель изображает чувство тоски как важнейший стимул сознательной деятельности человека... Тоской он называл стремление людей к идеалу. Тоска создает психическую энергию высокого потенциала, который якобы носит религиозный характер. Если же, учитывая это все, обратиться к творчеству Федора Михайловича Достоевского, разумеется, не смешивая вульгарно при этом личность творца с личностью человека... Хе... эп... фи... Даже А. С. Пушкин в этом плане выглядит не очень хорошо...

Э д е м с к и й (*вскочил*). Пушкин тяжело расплатился за свои грехи... Пророк всегда тяжело платит за грехи... и грехи пророка открыты и молоды... Нет в них тайного мучительного срама пожилого греховодника... Есть мучение, но нет надрыва... Надрыв — это уже не духовное, он уже медицинским законам подчиняется... В надрыве обман, даже хитрость...

М о н ц е в и ч. Речь идет о схожей концепции... Хе... фи... эп... Я хотел заметить, что плоскость, в которой творчество Федора Михайловича Достоевского препарируется уважаемым автором, а также настойчивые устремления уважаемого автора в направлении... В направлении построения схожей теории...

Ползет занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Основную часть сцены занимает буфет. Стойка-холодильник, где выставлены холодные закуски. Поблескивает хромированная касса

и цилиндр кипятельника. За окном яркий снежный день. В углу дверь в буфет. За дверьми видна часть комнаты для курения, вход в которую завешен полвотдернутыми портьерами. В пустом буфете за одним из столиков сидит Ч е р н о к о т о в, перед ним твэрелка с сардельками, бутылка нарзана и пустая рюмка. В а л я сидит рядом с ним, подперев щеку рукой.

Ч е р н о к о т о в (*движения его еще более размашисты и хмельны*). Хорошо ты сидишь сейчас передо мной, Валюша, и смотришь на меня хорошо... С жалостью... На святой Руси только так смотреть могут... Так деревенские бабы на пропащих смотрят.

В а л я (*утирая слезы*). Зачем ты, Вася, с начальством ругаешься, ведь пропадешь.

Ч е р н о к о т о в. А в начальстве у нас сейчас на святой Руси, Валюша, бундовцы... И их подпевалы... Союз угнетателей... Когда татарва народ резала триста лет, и то легче было...

В а л я (*испуганно оглядываясь*). Пропадешь ты, Вася, за язык свой скандальный... Ведь уже привлекали тебя...

Ч е р н о к о т о в. Чекизм-кегебизм... Это которые одного на зарплату берут, другого на паек... Это не страшно... Я психически ненормальный... У меня справка есть... Ку-ка-ре-ку...

В а л я. Тише ты...

Ч е р н о к о т о в. А ты еще меня рюмочкой подкупи, тогда молчать буду (*пытается ее обнять*).

В а л я. Оставь... У нас спиртные напитки подавать запрещено, у нас издательство, а не пивная... Пусть тебе Верка подает.

Ч е р н о к о т о в. Ревнуешь... Так хорошо сидела по-бабы, по-деревенски... Смотрела на меня, как на пропащенького, прямо до слез... И вот ревнуешь... Это по-еврейски... Русская женщина — это не то, русская женщина — это Сонечка.

В а л я. Какая я еврейка? Ты что такое болтаешь?

Ч е р н о к о т о в. А если ты русская, тогда слушай. Помнишь, как Сонечка уже на каторге, потом, после болезни...

в тюремном госпитале, как он увидел ее в окно... Она стояла и чего-то ждала...

В а л я. Придут они к тебе на каторгу, жди... И Верка, и Сонька эта твоя... Ты вон бледный какой, больной какой... Язвой, наверно, желудочной болеешь... Доведут тебя эти Верки да Соньки...

Ч е р н о к о т о в. Эх, Валюша, Валюша... Ты про Достоевского хоть слышала? Про русского нашего писателя?

В а л я. Это который для детей пишет?

Ч е р н о к о т о в (*усмехается*). Верно, для деток... Для чистых душой русских деток он пишет... А когда сунешься в это грязными жидовскими лапами... Странное дело, среди специалистов по Достоевскому много жидов, среди литературоведов.

В а л я (*оглядываясь*). Тише, Вася. Соскис может войти, услышит...

Ч е р н о к о т о в. А Михаил Залманович интернационалист... Ты его не бойся... Ты слушай, я тебя почитаю. (*Он роется в портфеле, достает один из томов весь в закладках, читает.*) „Они были одни, их никто не видел. Конвойный в ту пору отворотился. Как это случилось, он сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени (*Чернокотов незаметно вытирает слезы*). В первое мгновение она ужасно испугалась, и все лицо ее как бы помертвело. Она вскочила с места и, задрожав, смотрела на него. Но тотчас же, в тот же миг она все поняла. В глазах ее засветилось бесконечное счастье, она поняла и для нее уже не было сомнений, что он любит, бесконечно любит ее, и что настала же, наконец, эта минута”.

В а л я. А они что, до того расходиться хотели?

Ч е р н о к о т о в. Корова ты, Валюша (*смеется*). Дай я тебя поцелую...

В а л я (*отталкивая*). А сам-то ты кто... Чужое ешь, чужое пьешь (*Чернокотов смеется*). Много ты понимаешь в отношениях... Я в самом конце войны совсем молоденькой с контуженным моряком сошлась. Бил меня, оскорблял.

Мама моя еще жива была, говорит – расходишься... Я ему – разойдемся, Степа. А он к ногам кинется, колени обхватит... Вот так, не поднимаясь с колен, всю исцелует... Он в плену в Германии разврату обучился... Но недолго он меня мучил... В сорок шестом его, как бывшего пленного, арестовали, и по сей день я о нем ничего не знаю.

Ч е р н о к о т о в. Эх, Валюша... Дай-ка лучше я тебе о русских деточках почитаю... Может, детки торговую душу твою примут... *(Роется в портфеле, достает то один, то другой том.)* Вот мальчик у Христа на елке... Или вот страдания совсем маленьких русских деток *(читает)*: „Жид четырех-летнему мальчику сначала все пальчики обрезал на обеих ручках, а потом распял на стене гвоздиками“.

В а л я. Фу, ужасы какие... Да как же такие ужасы печатают... Теперь ведь на евреев плохо говорить запрещают... В газетах пишут – все едины, что татария, что чучмек...

Ч е р н о к о т о в *(смеется)*. Федор Михайлович мракобес был, реакционер *(смеется)*.

В а л я. Ужасы какие...

Ч е р н о к о т о в. Ужасы... Марфа ты вологодская... Ты вот послушай *(читает)*: „Это хорошо. Я иногда думаю, что сама распяла. Он висит и стонет, а я сяду против него и буду ананасный компот есть“.

В а л я. Тьфу, ужасы... Это кто же такое говорит? Тоже еврейка?

Ч е р н о к о т о в *(с внезапной тоской)*. Нет, это русская девочка... Лиза Хохлакова, четырнадцати лет... Это русская девочка... Это маленькая частичка нашего страдания... Оскорбленная душа.

В а л я. Я это страдание знаю. Оно мне как пять пальцев известно... Старшая моя, горе мое, от Степана которая, Ларка моя... В пятнадцать лет сядет и плачет... Чего плачешь, говорю? То стыдить ее начинаю, то конфеты даю, причесываю. Она ведь у меня лицом красивая. Хочу, говорит, мама, сама чего не знаю... Или чтоб меня кто-нибудь на части разорвал, или чтоб я кого-нибудь искусала... А в шестнадцать лет от племянника моего ребеночка родила мертвого... Зато млад-

шенькая моя умница, младшенькую мою я в достатке воспитаю. Жилы из себя вытяну, а воспитаю.

Чернокотов *(смеется)*. Это какая же младшенькая? Не от меня ли?

Валя. Да пошел ты... Светочка. От законного моего мужа... Хороший был человек... Бухгалтер...

Чернокотов *(смеется)*. Так ведь он тебя бросил.

Валя. А какая я ему жена... Я уж покалеченная... Раз уж с тобой путалась, что уж с меня...

Чернокотов *(вдруг озлобившись, став серьезным)*. Много ты обо мне понимаешь... Я, может, на весь мир, на всю Россию...

Валя. Пьяный ты, Вася... Иди домой, только мешаешь. А ведь перерыв скоро... Я еще кофе не вскипятила... Ведь одна сегодня. Подсобница болеет, а Касьяновну работать не заставишь. Копченой рыбки требует. *(Звонит телефон, Валя берет трубку.)* Буфет слушает. Кто это? Ах это ты, миленькая? А мы только что с одним дядей о тебе говорили. Ты что делаешь? Ручи помыла перед обедом, тетю Надю слушаешься? Солнышко, ты мне стишочек скажи. Ты говори, а я повторять буду, а то дядя не верит, как ты умеешь... Дядя Вася... Помнишь, он к нам приходил?.. Ну-ка стишочек, который тебя мама научила... Я сижу на вишенке... Нет, ты правильно говори, не дурачься... Я сижу на вишенке, не могу накушаться, дядя Ленин говорит, маму надо слушаться... *(Чернокотов смеется.)* Молодец... Дяде Васе очень нравится...

Чернокотов *(смеется)*. Передай... Очень... Приду... Ох, не могу... Дядя Ленин говорит, маму надо слушаться... Передай Светочке, гостинец принесу...

Входит нервной быстрой походкой Т р у ш.

Т р у ш *(нервно)*. Я искал тебя, Вася... Как-то сразу не понял, что ты в буфете...

Чернокотов *(смеется)*. Я сижу на вишенке, не могу накушаться... Хорошие стихи... Наверно, Кушнерович сочинил... Он детскими стишками тоже балуется.

Т р у ш *(нервно)*. Перестань дурачиться, Вася. Когда на глазах у нас публично распинают дух и тело Федора Достоевского... Да, не только дух, но и тело...

Ч е р н о к о т о в. А что нам, русским, еще остается в своем отечестве, как не дурачиться... Я хотел их там прямо в бога душу мать... Так ты ведь — перестань, Вася, не дури, Вася, пойдем, Вася...

Т р у ш. В бога душу их не проймешь... *(Понизив голос)*. Написать надо. Они ведь пишут, и мы напишем... Сейчас не времена культа личности... В конце-то концов памятники культуры охраняются государством. Камни, полуразвалины, а тут живой русский гений... То, что происходит под крылышком Хомятова, ничто иное, как святотатство, осквернение святыни...

Ч е р н о к о т о в. Куда напишешь, Элем... Я вот, например, мечтаю журнал основать... Русский журнал... „Русский мир“ называться должен... Ни одного псевдонима печатать не буду.

Т р у ш. Вася, оставь фантазии, вернись к реальности... Найдем, куда писать... Эдемский и его компания думают, что Хомятов Бога за бороду схватил... Это он при Сталине Бога за бороду держал... Сейчас не сорок восьмой год...

Ч е р н о к о т о в *(смеется)*. Давай договоримся о термине „бог“. Я лично „господь“ предпочитаю... Бог — это не по-русски...

Т р у ш. Подписи соберем... Я подпишу, ты, Петрузов...

Ч е р н о к о т о в. Федот? Никогда... У него со знатными богатыми евреями мир... Стерва он...

Т р у ш. Стерва-то стерва... Сталинист... Но на безрыбье и его можно использовать.

Ч е р н о к о т о в. Да не подпишет он... Я-то знаю, на что он способен. Выдать он меня не выдаст, но подписать не подпишет... Ему среди одних русских фамилий находиться страшно... Славянофилом заклеят и заработок отнимут...

Т р у ш. А мы интернационал соберем... Соскис подпишет... Через Соскиса стенограмму добудем... Размножим... Студентам в университете дадим... И Илюша подпишет...

А у Илюши связи и здесь, и за рубежом... Ты видел последние иллюстрации Илюши к Достоевскому и Мельникову-Печерскому?

Чернокотов. Русские иллюстрации... Этнография... Русский север Илюша сердцем чувствует... Я юг не люблю... Юг — это грязь, чернота... Евреи, хохлы, цыгане, молдаване... Ярмарка... На севере жиру поменьше, тучности нет, запахи не так остры... Там все камнем, да водой, да соснами... Все не съестным пахнет... Там паразитам интереса нет... Там и жива еще Русь — деревянная, голубоглазая, льняная... Мы, Элем, все лето там провели... Русская молодежь... Весело... Больше всего художники молодые... На плотках катались... Хором как закричим бывало: „Да здравствует русский пророк Илья!“... Давай еще по маленькой, Элем... Валюша, дай нам по маленькой...

Валя. Некогда мне с вами... И спиртное не положено здесь...

Чернокотов. А ты в виде исключения...

Труш. Ладно, дай нам, Валя, по одной, без сдачи...

Подходит к буфетной стойке и протягивет деньги

Валя (*сердито*). Пропадешь с вами (*достает бутылку из-под стойки и наливает две рюмки*).

Труш. Раз уж пьем с тобой, Вася, так давай за Достоевского. Его обвиняют в том, что он слепо любил Россию... Да, это романтическая любовь... Любовь Ромео к своей девяностомиллионной Джульетте... Или сколько их там русских народится, — добавляет Достоевский... Но разве такая любовь нуждается в бытовом зрении... Вот чего они в злобе своей не понимают...

Чернокотов. Люблю я тебя, Элем (*чокаются, выпивают, жуют сардельки*). Вспомнил я... Еще одного для интернационала тебе представляю... Для подписи... Лебеденков Федор Соломонович... Этот подпишет... Говорят, он при заполнении анкеты в графе „национальность“ написал — „русский писатель“ (*оба смеются*).

Входит М о н ц е в и ч, останавливается у буфетной стойки, поглаживает холеную седую бородку.

Т р у ш. Кончилось уже?

М о н ц е в и ч. Я чуть раньше... Хе... фи... эп... Но сейчас начнется перерыв... Что?

Ч е р н о к о т о в. Тридцать восемь...

М о н ц е в и ч. Как?

Ч е р н о к о т о в. Ничего, профессор, вам почудилось...

М о н ц е в и ч. Ах, простите... Хе... фи... эп...

Т р у ш (*тихо Чернокотову*). Пойдем в курилку, поговорим...

Они встают и выходят. Чернокотов тяжело волочит портфель с томами Достоевского.

В а л я. Кофе сейчас закипит, есть горячие сардельки с макаронами, пирожки с мясом, пирожки с повидлом, нарзан...

М о н ц е в и ч. Нарзанчику, пожалуйста... Хе... фи... эп... И вот еще (*оглядывается, замечает, что один, и в тот момент, когда Валя наклоняется, чтоб достать из ящика бутылку нарзана, он совершенно не профессорским, молодым студенческим движением подхватывает ее за бедра*).

В а л я (*резко выпрямившись*). Чего?

М о н ц е в и ч. Хе... фи... эп... Пирожок с мясом, пирожок с повидлом... нарзан... и если можно, горяченького...

Слышен шум, входят Л о б а ч е в, С о с к и с, К о л м а к о в а, К а р а б и н о в и ч, Ш м у л е р - Д и й с н ы й, П е т р у з о в, еще какие-то люди, очевидно, с других этажей. Все торопливо устремляются к стойке и выстраиваются в очередь. Тогда же появляется К а с ь я н о в н а, протискивается вперед.

К а с ь я н о в н а. Валя, мне триста граммов мирмилада.

В а л я (*сердито*). Всегда ты, Касьяновна, в перерыв... Некогда мне сейчас с тобой.

К а с ь я н о в н а. А чтоб вы все сгорели... (*отходит*).

Входит Э д е м с к и й, которого держит об руку К у г у ш е в.
Прохаживаясь по буфету, они продолжают разговор.

К у г у ш е в. Помните заветную мечту Достоевского превратиться в семипудовую купчиху, ставящую Богу свечку. Это не ирония... Это крик измученного человека... Измученного своим собственным пророческим даром... Желанием ослепить себя... Он жаждал добра... Это был добрый человек... Но духовное зрение его было источником его мучений... Жизнь с адом в груди... А клейкие листочки, а синее небо, любимая женщина — это счастливый удел семипудовых...

Э д е м с к и й. Достоевский обладал не столько острым, сколько патологическим зрением...

К у г у ш е в. Патологическим, в смысле — творческим...

Э д е м с к и й. Хорошо, назовем это творческим... Он формировал из реальных предметов химеры... Он соединял ясно и глубоко видимый им результат одного явления с ясно и глубоко видимым им истоком совершенно иного явления и наоборот... Он усаживал кроны одних деревьев на корни совершенно иных...

К у г у ш е в. Но это как раз признак апокалипсического зрения... В апокалипсическое время — это самый плодотворный подход. Вспомните апокалипсическую фигуру Шатова, одного из наиболее любимых героев Достоевского, в которого он вложил свои мысли, повторенные в „Дневнике писателя“... Соединение в одном лице крайнего революционного радикализма с радикализмом черносотенным...

Э д е м с к и й. Здесь опять пример бессознательного пророчества, идущего вразрез с мировоззрением. Это ценно, ибо бессознательного у Достоевского очень мало. Предвидение главной социальной борьбы не меж оппозицией и официальной, а внутри оппозиции — вот о чем „Бесы“. Это вовсе не антиреволюционная книга, это книга о борьбе меж собой двух революций, меж которыми сходство по полярной противоположности... Это борьба между социалистическим атеизмом и национальным атеизмом. В этой

борьбе Достоевский стал, не задумываясь, на сторону национального атеизма, ибо он мог понять, и достаточно глубоко, те или иные характеры революционеров, но он совершенно не понимал характер революции.

К у г у ш е в. Но как же можно понимать революционеров и не понимать революции?

Э д е м с к и й. Весьма часто так и бывает. Те, кто слишком глубоко и односторонне углубляется в характер революционеров, совершенно упускают характер революции... Революционеров формирует сознательное начало, революцию, если это, действительно, революция, а не бунт, — революцию формирует начало бессознательное, органическое... Революционеры могут быть оторваны от народа, революция — никогда.

К у г у ш е в. Я так и не могу понять до конца столь пространенный термин „народ“.

Э д е м с к и й. По-моему, народ — это то, что на данном этапе исторического развития олицетворяет национальную идею... А национальная идея России испокон веков была — внешнее движение, своеобразное экспансия-бегство... Экспансия угнетенных... Начало империи положили мужики, бежавшие в разные стороны от боярского кнута... Революция спасла национальную идею, находящуюся к концу девятнадцатого века на краю гибели, она спасла, улучшила, видоизменила, усилила, но в национальном все-таки русле, ту, если не в идеологических формулировках, то в природной своей основе Россию, к которой привык мир и которую любил Достоевский... Эмигранты всех мастей и времен, которые плачут о прошлом России, погубленном некой навязанной извне Петрами Верховенскими революцией ничего не поняли в происходящем... Революция не отменила, а укрепила и усовершенствовала прошлое России... Отмените основную национальную идею, господа, откажитесь от нее, и тогда вы можете утверждать, что революция в России была антинациональной, совершенной инородцами... Нет, не белая гвардия спасла единую и неделимую... Не история, а география может подтвердить справедливую органи-

ку октябрьской революции... Революция не была принесена с Запада, с Запада явились лишь революционеры, революция же выросла из недр русской истории.

К у г у ш е в. Ох, уж эти вулканические русские недра... Значит, вы считаете, что консерватор Достоевский принял бы революцию со всеми ее неизбежными крайностями?

Э д е м с к и й. Не только революцию, но даже и сталинизм... Вернее, сталинизм скорее, чем революцию... Его на первых порах могло отпугнуть только полное подчинение личности идее... Однако когда бы он понял, что речь идет о национальной идее, то принял бы происходящее и даже одобрил... Он отрицал жертву личности идее религиозной, но принимал эту жертву идее национальной...

Продолжая разговор, они уходят в глубину буфета, лавируя между столиками и не замечая окружающих. Входят Х о м я т о в, В а р т а н ь я н ц, З о я К а р а б и н о в и ч и П е т р у з о в.

В а р т а н ь я н ц (*Хомятову*). Алексей Иванович, вы курицу с рисом не прочь? Я сейчас Валю предупрежу.

Х о м я т о в. Но я вижу на столиках народ одни сардельки ест... Не густо...

В а р т а н ь я н ц. Кухни ведь у нас нет, все фонды не утвердим... (*К Вале.*) Валюша, подай три (*смотрит на Петрузова*), нет, четыре порции... И нарзану... (*Хомятову.*) Тут у нас смежная комнатуха... Пожалуйста...

П е т р у з о в (*подняв кверху палец*). Литература пра-матерь всякого конкретно-образного искусства, она в меньшей степени, но тоже влияет даже на абстрактно-образное искусство — музыку...

Они проходят в дверь за буфетной стойкой.

Т р у ш (*Чернокотову*). Петрузов директорский обед зарабатывает...

Ч е р н о к о т о в (*добродушно*). У тебя с Федотом идейные разногласия по вопросу о культе личности, а мне он

дворняжку нашу русскую, деревенскую напоминает... У деревенской дворняжки своя смекалка, она от бездомности перед чужаком хвостом виляет, кусок выпрашивает, но как только у нее свой деревенский хозяин появится, приютит, она сразу чужака за ляжку цап!

Л о б а ч е в и С о с к и с с подносами, на которых сардельки и нарзан, пробираются к столикам.

Л о б а ч е в (*Соскису*). У меня давно уже замысел, вернее, желание, может быть, и дикое на первый взгляд, написать о последних минутах жизни великих литераторов... Заключите договор на эту тему? (*Садится за свободный столик.*)

С о с к и с (*садится рядом*). Последние минуты у всякого человека, черт бы их побрал, своеобразны. Есть такой еврейский анекдот... Впрочем, не сейчас... Не люблю рассказывать анекдоты в буфете (*смеется*).

Л о б а ч е в. Не могу с вами согласиться. Последние минуты обычной, неталантливой жизни либо скучны, либо по-бытовому ужасны... Скандальны, я бы сказал... Иное дело, конец талантливой жизни... Мне кажется, для литературоведа он дает своеобразный ключ к анализу творчества... Гюго воскликнул перед концом: „Я вижу черный свет...“ Это ли не вершина романтизма... А вспомните смерть Чехова... Ему стало трудно дышать, и дежурившего у постели студента отправили в соседнюю комнату за кислородной подушкой... „Не надо, — сказал Антон Павлович, — пока он вернется, я уже умру...“ Это были его последние слова, и разве в них не квинтэссенция всего чеховского творчества... Разве эта фраза не украсила бы „Чайку“... А Достоевский, которого пытались представить внутренне разобщенным, мятущимся... Он умер спокойно... По внешнему облику смерти Чехова и Достоевского даже подобны... Когда жена прочла Федору Михайловичу строки из Евангелия... Помните, Иисус говорит Иоанну — не удерживай, мне надо креститься от тебя... „Ты слышишь, не удерживай, — сказал

Достоевский жене, — значит, я умру...” Однако, если у Чехова в подтексте была поэтическая горькая скорбь, то у Достоевского был пересиливший страх, не лишенный сладости научный интерес, любопытство... Да, да, да... Очевидцы говорят, что Достоевский лежал в гробу с лицом спокойным, но несколько искаженным любопытством... Он жил с интересом и умер с интересом... Чехову загадка жизни была страшна, и он старался не прикасаться или ее вышучивать, Достоевскому загадка жизни была не только страшна, но и любопытна. Он жил с интересом и умер с интересом... Из всех знаменитых литераторов это, безусловно, самый экспериментирующий научный мозг... Смерть свою он воспринял как последний научный опыт... Он умер, словно отправился узнавать о себе окончательную истину — „тварь я дрожащая или власть имею”...

С о с к и с. А вы, дорогой мой, оказывается, тоже склонны к декадансу в литературоведении... Заключи с вами договор, кто его знает, такое наворотите... *(Смеется.)*

Л о б а ч е в. Но согласитесь, что литературоведение наше крайне скучно и непозитично.

С о с к и с. Вы уже о том говорили... Есть такой еврейский анекдот... Муж заметил своего приятеля, выходящим из подъезда своего дома... То есть из подъезда того дома, где жил он, Хаим... *(начинает, давясь смехом)* с женой Сарой... Впрочем, не сейчас... *(смеется)*. Кушайте сардельки...

Ч е р н о к о т о в *(Трушу)*. Прохаживаются... *(указывает пальцами на Эдемского и Кугушева)*. Подружился Иван с куриной лапкой... Олег-то... Этот русской жалобы не подпишет... Эх, размял бы я косточки...

Т р у ш. Тише, Вася... С умом надо...

Ш м у л е р - Д и й с н ы й *(сидя за столиком, Монцевичу)*. В Сочи в ресторане есть блюдо „Закуска мельника”... Бронбойная... *(смеется)*. Сало, огурцы, чеснок, какая-то жуткая трава... Проглотишь, пока по кишкам идет — ничего, а как до желудка дойдет, человек падает *(смеется)*.

М о н ц е в и ч. А я люблю острое. Мне уже шестьдесят лет, а желудок, как хронометр. Это без преувеличений...

Мне кажется, вообще все наши беды от преувеличений... Хе... фи... эп... эп... Вот и здесь, на редсовете... Почти каждый выступающий преувеличивает... Поэтому... Хе... фи... Скандальная ситуация...

Ш м у л е р - Д и й с н ы й. Я говорил об этом Вартаньянцу...

М о н ц е в и ч. Помню, в молодости был у меня приятель. Девушки доставались ему тяжелым трудом, но он делал вид, что получает их легко... *(жует сардельку)*. Буфет отвратительный, кормят здесь — хуже некуда... Единственное сочное блюдо — сама буфетчица... А... хе... фи... эп... эп...

Ш м у л е р - Д и й с н ы й. Как много еще в вас жизненных соков... Завидую вам *(смеется)*.

М о н ц е в и ч. Что?.. А.. фи... эп... Ха-ха-ха... *(смеется)*.

К а с ь я н о в н а *(у буфетной стойки)*. Мне триста граммов мирмилада.

В а л я *(разливая кофе)*. Подожди, Касьяновна...

К а с ь я н о в н а. Чтоб вы все сгорели... *(отходит)*.

В а р т а н ь я н ц *(выходя из задней комнаты и подходя к буфету)*. Валя, три порции салата... То есть четыре...

Ч е р н о к о т о в *(Трушу)*. Это он Федота не учел... Федот все время между ног болтается *(смеется)*.

В а р т а н ь я н ц *(Колмаковой)*. Ольга Юрьевна, пойдемте с нами... *(Вале.)* Пять порций салата и курица с рисом.

К о л м а к о в а. Нет, спасибо, я, может быть, позже, минут через пять *(смотрит в дальний угол, где Эдемский беседует с Кугушевым)*.

Л о б а ч е в *(Соскису)*. А Вартаньянц выглядит ужасно... На заседании я как-то не разглядел.

С о с к и с *(наклонившись, тихо)*. Ему месяца два осталось... Ну, три, от силы... Это, кстати, к вашему разговору о последних минутах неталантливой жизни...

Л о б а ч е в. Что вы... Рак?

С о с к и с. Рак... Убийца века... Разрезали и зашили... Опухоль дала метастазы... В общем — конец...

Л о б а ч е в. А он знает?

С о с к и с. Трудно сказать... Конечно, от него скрыли, но,

возможно, он догадывается... Психология смертельно больного ведь тоже загадка...

Л о б а ч е в. Догадывается, но не верит... Я бы тоже не верил до конца... Нет страшней смерти, чем от неизлечимой болезни... Это смерть на дыбе, под пыткой... А застенком служит твоя собственная спальня...

С о с к и с. У меня был приятель, страшно смерти боялся... Бывало, заговорит со мной — как это я, Миша, умирать буду... Вообразить не могу... Наверно я за минуту до смерти с ума сойду... И ничего, с ума не сошел. Умер не хуже других (*смеется, жуя сардельку*).

Входит Ж у о в ь я н.

К о л м а к о в а (*обрадованно*). Сережа, хорошо, что ты вернулся, я думала домой поехать.

Ж у о в ь я н. Где Рома? Я ведь говорил, эта разноцветная банда его раздавит.

К о л м а к о в а. Значит, ошибся. У нас все в порядке, Хомятов здесь.

Ж у о в ь я н. Ну и что, что это меняет?

К о л м а к о в а. Странные вы ребята, и ты, и твой приятель. Пока мы с Зоей добились, чтобы Хомятов позвонил Вартаньянцу... Мы этим делом до редсовета начали заниматься.

Ж у о в ь я н. В том-то и дело.

К о л м а к о в а. Но ведь добились... Он специально приехал... В общем, в этих делах вы оба ничего не смыслите... Сейчас речь о том, чтобы помочь Ромке... Чтобы приняли работу хотя бы как вариант... Если работу задавят, Ромке будет плохо... Это клеймо, с которым ему никуда не сунуться... И вообще, надо погромщиков поставить на место... Сейчас не сорок восьмой год... В общем, надо Рому представить Хомятову.

Ж у о в ь я н. Да не станет он искать покровителей, особенно через женщин. Ведь еще Чацкий заклеил: „Я езжу к женщинам, да только не за этим“.

К о л м а к о в а. Ах, ребята, ребята... Некогда мне объясняться, скоро перерыв кончится. Пойди Кугушева отвлекни... Кугушев в него вцепился, никак не наговорятся... Ну, прошу тебя, Сережа, если ты Ромке друг... Ведь мы с Зоей специально старались...

Ж у о в ь я н. Ладно, попробую (*идет в угол, где беседуют Кугушев и Эдемский*).

Э д е м с к и й. У Достоевского женщины вызывают или сладострастие или жалость, эта любовь изначально осуждена на гибель, в ней нет светоносности. „Я вас истреблю“, — говорит Версиллов Екатерине Николаевне... Помните, в „Подрустке“... Бездна здесь тут необычная... Не безответная любовь... Нет, тут физиология... Тут однопольность... Замкнутость мужского начала... Неспособность к соединению, к цельности. Под ликом любви все та же алчная свобода индивидуалиста. Идеал Содомский... Все то же беснование...

К у г у ш е в. Как раз наоборот... В царстве Карамазовых загублена человеческая свобода, возвращенная лишь Алеше через Христа...

Э д е м с к и й. Вот здесь и ошибка... Здесь риторика и публицистика, подобная псевдораскаюнию Раскольникова в коленях у Сони... Помните, там на берегу... Псевдовоскресение... Даже по пластике описание этого воскресения скорее на эпилептический припадок похоже. Это не добро, а личина добра, хотя, может, и искренне, но только в тот момент... Припадки добра и доброты после ясного, цельного художественного злодейства...

Ж у о в ь я н (*подходя*). Я краем уха услышал... Это, верно, насчет личины добра... Сегодня главное в борьбе со злом — сорвать с него маску добродетели... Обнаженное зло, раскрытое зло, может, и сильнее свирепствует, но зато быстрее гибнет, как скорпион в собственном яде... Трагедия мира не в существовании зла, а в чересполосице добра и зла... Зло, сражающееся со злом, не ослабляет, а усиливает друг друга...

Э д е м с к и й. Простите, вы не знакомы? Это мой товарищ Сергей Жуовьян...

К у г у ш е в. Очень приятно... Так о чем вы?

Э д е м с к и й. Изредка, правда, являются мальчики кровавые в глазах в виде изнасилованной и утопившейся девочки, например... Помните, у Свидригайлова...

Ж у о в ь я н. Да что Свидригайлов... Помните разговор Достоевского с Тургеневым?.. Покаяние Достоевского Тургеневу, которое Тургенев не принял... Нарушил христианскую заповедь, высший христианский закон, как он понимался Достоевским... Достоевский ведь ожидал слезы, покаяние, поцелуи, а вышло — холод и аристократическая брезгливость... Я мерзок, сказал Достоевский, но вы еще более мерзки... И с тех пор они враги...

Э д е м с к и й. Но это так, припадочек... Здесь раскаяние как припадочек... но спасение только в недоступном идеале семипудовой купчихи, ставящей Богу свечку. А поскольку это третье решение недоступно, поскольку налицо дилемма — тварь дрожащая или власть, то вот она, ясная, чуть ли не в лозунги уложенная, антибиблейская идеология (*он раскрыл папку, порылся в бумагах и прочел*): „Преступление? Какое преступление! — вскричал он вдруг в каком-то внезапном бешенстве... То, что я убил гадкую, зловредную вошь, старушку-процентщицу, никому не нужную, которую убить — сорок грехов простится, которая из бедных сок высасывала... и это преступление?“ — „Брат, брат, что ты говоришь, но ведь ты кровь пролил, — в отчаянии вскричала Дуня...“ — „Которую все проливают, — подхватил он чуть ли не в испуге, — которая льется и всегда лилась на свете, как водопад, которую льют, как шампанское, и за которую венчают в Капитолии...“ И это говорится в самом конце, накануне раскаяния... Это художественно цельно сформулировано незадолго до малохудожественного риторического „воскресения“... Это ли не двадцатый век, это ли не из современных газет слова, это ли не классовый идеологический терроризм?

Ж у о в ь я н. Но не извне, а из глубин своего тела первоначально извлеченный. Это Иван Карамазов, богоборец и националистический атеист... Из чужих рук и в готовом виде,

в виде лозунгов это позднее Смердяковы получают. Здесь же идеология терроризма вся телом рождена, выбросом адреналина из мозгового слоя надпочечников в кровь... Здесь литературовед без помощи медицины все-таки обойтись не может.

К у г у ш е в. Вы имеете в виду своеобразие формирования личности писателя?

Ж у о в ь я н. Хотя бы... Здесь перейдена та грань, где без анализа личности невозможно... Ведь ни у кого из великих русских писателей отец не совершал низкие сексуальные извращения над матерью на глазах у ребенка, приведшие к первому приступу эпилепсии... Ни у кого отец не был линчеван толпой дворни, мучительной смертью, оттого, что мужские органы его были раздавлены камнями, за насилие и разврат над деревенскими девочками... Нет, здесь литературоведу без медицины не обойтись... Здесь не обычная неврология, а психопатия... А вспомните четырехлетнего ребеночка, которому жид пальчики обрезал, а потом на стенке гвоздиками распял... Такой образ чернилами не напишешь... Тут даже крови недостаточно и желчи... Тут сперма нужна... Тут фрейдистский антисемитизм... Тут через антисемитизм раскрепощение полового напора...

К у г у ш е в. Но ведь на том гноище, каким залиты страницы Достоевского, из этого гноища-то и вырастает чудное созерцание судеб человека на земле.

Ж у о в ь я н. Из этого гноища вырастает пряный, острый, опиумный цветок личной свободы, а не святой женственный цветок любви.

К у г у ш е в. Да, Достоевский был против навязанной извне любви и гармонии... Он видел к ним путь только через страдание и личную свободу.

Ж у о в ь я н. Пути любви и пути свободы противоположны... Абсолютная любовь есть полная несвобода.

Э д е м с к и й. Но примирение этих двух начал дано в Нагорной проповеди, в кажущемся противоречии древнего закона и евангельской любви... Достоевский ошибочно вкладывал в свободу духовный смысл... Любовь есть понятие

духовное, свобода же понятие телесное, сопричастное к преступлению и закону... Справедливая свобода есть иллюзия, всякая справедливая свобода должна быть иллюзией, рожденной и ограниченной справедливым законом... Индивидуальная материализация свободы ведет к ее исчезновению через зло.

К у г у ш е в. И все-таки, невзирая на свою большую судьбу, он был добр... Просто по-человечески добр.

Ж у о в ь я н. В высоком смысле, в понятии, венчающем это явление, добр он не был... Но расчувствоваться мог весьма легко и искренне в текущие моменты... И все это обязательно по-немецки, со слезой... В доброте своей он русский менее всего, покоя в его доброте нет. Если в злобе есть у него русское самозабвенье, то в доброте он менее всего русский...

К о л м а к о в а *(подходя)*. Я вижу, ребята, вы увлеклись. Но подумайте и о сардельках.

К у г у ш е в. Да, верно *(улыбнувшись)*. Вот вам и женское начало... Итог всякого спора — и простого, и сложного — доступен только женщине... *(Идет к буфетной стойке.)*

К о л м а к о в а *(Эдемскому)*. Можно тебя, Рома...

Э д е м с к и й *(отходя вместе с ней)*. Ну что еще?

К о л м а к о в а *(нервно)*. Что еще... как еще... Почему ты так груб?

Э д е м с к и й. Ну, начинается...

К о л м а к о в а *(задрожающим голосом)*. Как ты несправедлив...

Э д е м с к и й. Я ведь знаю, чего ты хочешь. Ты хочешь, чтобы я пошел поклониться в ножки этому либеральному вельможе... Искал у него защиты...

К о л м а к о в а. Ну черт с тобой, на тебя лично мне наплевать, но твоя работа... Нельзя позволить, чтобы погромщики и черносотенцы затоптали ее... Сейчас не сорок восьмой год...

Из задней комнаты появляются Хомятов, Вартаньянц, Карабинович и Петрузов.

Петрузов (*Хомятову*). Карл Маркс сказал: если вы на вершине государства играете на скрипке, то можно ли удивляться, что стоящие внизу пляшут... Нельзя преувеличивать, но нельзя и пренебрегать ролью личности...

Колмакова (*хватает Эдемского и почти насильно подводит его к Хомятову*). Алексей Иванович, разрешите представить вам автора работы...

Карабинович. Это тот самый Эдемский, о котором я говорила... Упрямый и талантливый...

Хомятов (*улыбаясь*). Как же, как же, слышал... Знакомился с вашей работой... Впечатляет... Хоть и не без греха (*смеется*). Конечно, я не против гипотез и легенд в литературоведении, но считаю, что духовная жизнь такого художника, как Достоевский, гораздо шире...

Карабинович. Но главное ведь в пафосе работы... В ее основе...

Хомятов. Да, с основой я согласен... Как ни велика амплитуда колебаний Достоевского, тем не менее он ставил перед людьми разлагающегося общества идеал русского социализма, который был все-таки заимствован в школе Белинского, Герцена, Петрашевского, в учениях утопического социализма, а не в церкви... В этом смысле постановка вопроса об атеизме Достоевского весьма своевременна.

Эдемский. Я ставил вопрос не в этом смысле...

Карабинович. Спорщик... Спорщик до мозга костей...

Хомятов (*улыбаясь, похлопывая Эдемского по плечу*). Молод, смел, неистов... Я тоже в молодости пытался доказать всем и все... Классиков отвергал... Все ругал, кроме, конечно, советской власти...

Петрузов. Вспомнилась мне сейчас одна история... Был у меня приятель, кстати, по национальности еврей... Человек видный из себя, заслуженный... храбрый, но тоже спорщик... В войну направляли его на строительство какого-то крупного завода в тыл, а он ни в какую, только на фронт рвется... Чего только с ним ни делали — ни в какую... Нако-

нец, сообщают ему — вызывает вас товарищ Сталин. Является он в кабинет, Сталин сидит за столом и пишет, не поднимая головы. Пять минут проходит, десять проходит, пятнадцать, полчаса проходит, Сталин пишет, а приятель мой Яков стоит навтыжку... Наконец Сталин поднял голову и сказал: „Тыл — опора фронта!“ — „Слушаюсь“, — отвечает Яков. Кругом повернулся и в тот же день поехал на выполнение задания *(начинает смеяться, но, заметив, что кругом молчат, тоже замолкает. Неловкая пауза)*.

С о с к и с *(подходя)*. Все спорят молодые люди. Я, Алексей Иванович, в этом случае всегда Шиллера вспоминаю. Молодые люди — потом разбойники...

Х о м я т о в. Как же... Это Франц Моор говорит...

Э д е м с к и й. Нет, это ремарка при перечислении действующих лиц... Но там сказано — развратные молодые люди...

Х о м я т о в. Вот в том-то и дело...

В а р т а н ь я н ц. Я всегда был за установление с автором договорно-финансовых отношений... Однако, на мой взгляд, следует еще поработать... Избавиться от бердяевщины, от некоторого налета фрейдизма... От детских болезней... У талантливоего человека это все равно что корь или коклюш...

Х о м я т о в. Да, поработать еще следует... Прежде всего надо помнить, что Ариадниной нитью для всякого объективного суждения о Достоевском может быть только история *(к Эдемскому)*. Рад был с вами познакомиться...

Э д е м с к и й. Я тоже... Спасибо за внимание... *(Отходит к буфету. Хомятов, Вартаньянц, Карабинович и Колмакова выходят.)*

Ч е р н о к о т о в *(сидя с Трушем за столиком)*. Вон они, коршуны, тело русское клевать собрались... А главный-то обер-иуда... Зойка Карабинович, говорят, его любовница... С женой еврейкой нашего мужичка пополам делят...

Т р у ш. Тише, Вася, захмелел ты... Напрасно две рюмки подряд выпил...

Ч е р н о к о т о в. Опять тише... Все тише... Все в своем отечестве тише... Русские мы или не русские...

Т р у ш. С умом надо...

Чернокотов. С умом... Все с умом... А ум — это не русское слово... По-русски сердцем жить надо (*замечает Сашеньку, которая с Ириной Моисеевной и Жуовьяном сидят за столиком*). Нравится мне эта девочка... Сонечка Мармеладова... Бледненькая... Так бы и расцеловал все пальчики...

Труш. Жениться тебе надо, Вася...

Чернокотов. Жениться... Сейчас в основном смешанные браки... Интернационал в постели...

Петрузов подходит и садится за столик к Чернокотову и Трушу.

Петрузов. Все ругаешься, Вася...

Чернокотов. А ты, Федот, аксиому номер один знаешь?

Петрузов. Какую аксиому?

Чернокотов. Если от головы в ее затылочной части опуститься на восемьдесят—девяносто сантиметров, то обязательно обнаружишь задницу (*смеется, Труш тоже смеется*).

Петрузов (*сердито*). Напрасно ты, Вася, грубостью спасаешься... Я ведь тебя насквозь вижу... И живешь из-за угла... Если русский в России из-за угла живет, это, знаешь, не по-русски и не по-советски. Я давно с тобой хотел поговорить...

Труш (*с вызовом*). Я, что ли, мешаю?

Петрузов. Мешаешь... Прошое наше потом и кровью залито, а ты на этот пот, на кровь русскую дорожную грязь...

Труш. России русское прошое дорого, а не тридцать лет сталинизма да триста лет татарщины...

Чернокотов (*наклонившись*). Хорошо еще, что евреев при татарщине не было на Руси... Двойной оккупации Русь бы не выдержала...

Петрузов. Все не по делу, Вася, говоришь... Все в антисоветизм уклоняешься... Дурно кончишь на этой дорожке...

Чернокотов. Надоели мне старые термины, Федот... Мне что советизм, что антисоветизм, что говядина... Третья сила нужна... Сейчас в газетах пишут о третьем мире... Рос-

сии тоже свой третий мир нужен... Я, может, общество имени Федора Достоевского основать хочу... Русского патриота Достоевского...

Петрузов *(оглядываясь)*. Болтаешь сам чего не знаешь... Попадешь с тобой под семьдесят первую статью *(отходит и присоединяется к Кугушеву, о чем-то с ним заговорив)*.

Труш. У тебя голова есть?

Чернокотов. Он меня не продаст... И бумагу нашу подпишет... Я был неправ, я теперь понял... Я Федота понял, это русская деревенская дворняжка... Давай еще по одной *(разливает незаметно и доликает в рюмки нарзан)*.

Моңцевич *(Шмулер-Дийсному)*. Мне недавно пришлось быть на симпозиуме в Белграде... Да... Хе... фи... эп... Весьма напоминает по направлению данный редсовет... Югославия — страна замечательная, но славянство... Стоит сорваться с точки опоры... Мне один товарищ так и сказал...

Шмулер-Дийсный. Да, я недавно в Варшаве тоже столкнулся... Там, правда, свои проблемы, особый ракурс, который до сих пор не выветрился... Сто лет назад Достоевский писал о том, что Польша является главным конкурентом России на руководство в славянском мире... Представьте, к моему удивлению, я столкнулся с подобными элементами... Разумеется, в завуалированной форме... С первого раза и не подумаешь... А на какую тему был белградский симпозиум?

Моңцевич. Дело не в теме... Дело в том, что там частности... хе... фи... эп... возобладали... Явились разговоры о революционности неохристианства, о том, что бессмертие делает равными не только живых, но и мертвых, а это дополняет Маркса... И так далее... Договорились до того, что бессмертие реально на том, мол, основании, что человек боится смерти *(смеется)*. В общем, покойники всех стран, соединяйтесь!

Шмулер-Дийсный. Весьма научно *(тоже смеется)*. Знаете, в Польше, несмотря на новый путь развития, по-прежнему силен дух католицизма... Матки Боски... И это в самом

неожиданном является... Один католик, кстати, махровый антисемит, извлек на свет тезис, например, о том, что если коммунизм есть исторический факт, то он угоден Богу... Весьма научно... Старые песенки на новый лад (*смеется*). И конечно же, образ Христа как первого революционера... Это стало стандартом... И еще один любопытный момент: после соприкосновения с Польшей многие стороны Достоевского более ощутимы. В восприятии Достоевским мира есть элементы польской психологии... Купорос... Едкость... Это не русское... Гоголь язвителен по-иному, холода в его язвительности нет...

М о н ц е в и ч. Ну, предки Достоевского из села Достоево... Это Западная Белоруссия... Так что география подтверждает...

Чернокотов, уже некоторое время прислушивавшийся и приглядывавшийся то к столику Монцевича и Шмулер-Дийсного, то к столику, где сидит со стенографистками Жуовьян, воспользовавшись тем, что Труш отвлекся каким-то разговором с Лобачевым, встал, двинулся было в сторону Сашеньки, но, уловив некую фразу со стороны Монцевича, круто повернул в его сторону.

Ч е р н о к о т о в. Прошу прощения, представиться хочу... Чернокотов Василий, потомок казака Чернокота, который рядом с Ермаком Тимофеевичем, покорителем Сибири...

М о н ц е в и ч. Хе... фи... пи... Вы о чем?

Ч е р н о к о т о в. О чем... О многом... Вы вот Достоевского у России отнять хотите, к полякам его прописать, а известно вам, например, что православные чистилища не признают в отличие от католиков... Наша русская горькая история сделала для нас мучения ада смешными... Ад нам страшен только скукой, а не мучениями... Это закопченная деревенская банька с пауками, в которой безвыходно сидеть надо и которой Свидригайлов испугался... Вечности в баньке... Вечность — это ведь очень долго... Это у Достоевского точно подмечено — „банька с пауками“.

Ш м у л е р - Д и й с н ы й. Вы об образе из „Преступления и наказания“ говорите, молодой человек?

Чернокотов (с усмешкой). Точно. (Садится за столик).

Шмюлер - Дийсый. Извините, как вас там... Не знаю, объясняли ли вам ваши родители, что вот так вести себя неучтиво... Вмешиваться в чужой разговор, и вообще...

Чернокотов. Я сирота... Воспитывала меня, в основном, общественность и комсомол... Может, и допустили какие-нибудь ошибки... Согласен, признаю... Еще один вопрос и удаляюсь... Кто был Иисус Христос по крови?

Шмюлер - Дийсый. Прекратите хулиганить, вас выведут...

Труш (торопливо подойдя). Извините, он выпил. Пойдем, Вася...

Чернокотов. Нет, подожди (кричит). В Иисусе Христе не было ни капли семитской крови... Я утверждаю это категорически и научно обоснованно... Согласно древним рукописям... Это вам не Карл Маркс...

Жувьян. Я совершенно согласен с Чернокотовым... В Иване Христе семитской крови нет... Он родился в Рязани, где окончил церковно-приходское училище.

Ирина Моисеевна (Жувьяну). Не надо связываться с хулиганом.

Чернокотов (Ирине Моисеевне). Я, тетенька Бася, не хулиган... Я русский молодой человек. Хотел бы пригласить на вальс русскую девушку Сонечку Мармеладову (с силой отталкивает удерживающего его Труша и подходит к столику). Сонечка, можно вас на вальс?.. Вы не смотрите, что музыка не играет, она у меня в сердце звучит... А не хотите полюбить, то хотя бы пожалейте... Вы ведь русская, а на Руси любят несчастеньких... И Федор Михайлович любил.

Сашенька. Отстаньте.

Чернокотов. И это весь ваш ответ, Сонечка?

Сашенька. Отстаньте, прошу вас...

Жувьян (поднимаясь и становясь перед Чернокотовым). Сказано тебе — отстань... (толкает Чернокотова, тот едва удерживается на ногах. Услыша шум, заглядывают любопытные).

К о л м а к о в а (*испуганно*). Что здесь? Пьяная драка? (*К Эдемскому*). Ты не вмешивайся, работу погубишь, они только и ждут повода...

Э д е м с к и й (*раздраженно*). Чего ты хочешь?

К о л м а к о в а. Ну черт с тобой, пропади пропадом...

Ч е р н о к о т о в. Береги свое лицо от удара в морду (*толкает Жуовьяна так, что тот едва удерживается на ногах, чуть не сбив вбежавшего Соскиса*).

С о с к и с (*испуганно*). Что такое? (*К Жуовьяну*.) Немедленно прекратите безобразничать, к вам будут приняты меры... (*К Чернокотову*.) Успокойся, Василий... Домой тебе надо... Элем, дай я с ним поговорю... Вот так у нас... Умеют наши интеллигентики затравить талантливого деревенского парня... Василий, послушайте, вы ведь неглупый человек, зачем вы губите свое будущее?

На шум входят Хомятов, Вартаньянц и Карабинович.

Х о м я т о в. Что здесь происходит?

К а р а б и н о в и ч. Этот тип с самого начала явился редсовет срывать.

В а р т а н ь я н ц. К нам он никакого отношения не имеет, с редсовета его выставили, так вот снова явился.

Х о м я т о в. А что это за личность?

К а р а б и н о в и ч. Чернокотов, бывший студент университета... Исключен за национализм и неуспеваемость...

Х о м я т о в. Пора кончать либерализм по отношению к таким...

Ч е р н о к о т о в (*вырываясь из рук Труша и Петрузова*). Кончать со мной хочешь? Ты, мужичок, на семитских бульонах растолстевший... Ух, ненавижу... Мучители России... Прав Достоевский, прав... Потому и псов своих на него травите... От жидовства смердит на Руси...

Х о м я т о в (*покраснев*). Да его в тюрьму... Антисоветчик... Мерзавец... (*Грозит пальцем*.) Я тобой займусь, антисоветское отродье... Сволочь... Товарищ Вартаньянц, сейчас немедленно составим протокол...

В а р т а н ь я н ц. Безусловно, совершенно согласен...

П е т р у з о в. Он не в себе, товарищ Хомятов... Болен он... Смотрите, дрожит весь...

Х о м я т о в. Ничего, я его вылечу... Упеку куда Макара телят не гонял...

Ч е р н о к о т о в. Упеки, упеки, бундовец... *(Хватает стул с металлическими ножками, поднимает его над головой.)* А ну, подходи... Ух, ненавижу...

В а р т а н ь я н ц *(с испуганным лицом)*. Вера Степановна, где Иван?

В е р а С т е п а н о в н а *(с испуганным лицом)*. Я уже послала за ним...

Ч е р н о к о т о в *(в злом веселье, вращая стулом)*. Подходите, твари дрожащие... Я вот он... Я перешагнул... Преступил... Я власть имею... В рожи ваши семитские я кричу, русский я... Какое счастье быть русским во всеуслышание...

П е т р у з о в. В психиатричке дважды он уже лежал... Болен он, приступ у него...

В а л я *(от буфетной стойки)*. Уймись, Василий... Прощения проси... Ведь пропадешь...

Ч е р н о к о т о в. Я сижу на вишенке, не могу накушаться, дядя Ленин говорит, маму надо слушаться... *(хохочет)*.

К а р а б и н о в и ч *(Хомятову, тихо)*. Пятнадцать сутками он не должен отделаться, слышишь, Алеша...

Х о м я т о в *(с ненавистью)*. Это типичная идеологическая диверсия...

Т р у ш. Да погоди, Вася, дай что скажу...

Ч е р н о к о т о в *(вращая стулом)*. Не подходи, никто не подходи... *(ударом стула сбрасывает с ближайших столиков посуду)*.

К а с ь я н о в н а. Фараон, чего посуду бьешь... Чего сорешь, чтоб ты сгорел...

В а р т а н ь я н ц *(раздраженно)*. Да где же в конце концов Иван?

Х о м я т о в *(зло)*. Что Иван... Милицию почему до сих пор не вызвали?

В а л я *(со слезами)*. Вася, Михаил Залманович с тобой говорить хочет...

Ч е р н о к о т о в. Это большой друг русского народа... Милости просим...

С о с к и с. Вася, перестань стулом размахивать, я говорить с тобой хочу...

Ч е р н о к о т о в. А на каком языке, Михаил Залманович... Я ведь по-еврейски говорить не умею *(замахнулся стулом, так что Соскис едва успел отскочить и уронил очки)*.

П е т р у з о в. Что ж ты делаешь, негодяй... Михаила Залмановича чуть не ударил...

Ч е р н о к о т о в *(напевает)*. Залмановича чуть не ударил, Соскиса чуть не ударил...

П е т р у з о в *(Хомятову)*. Вот видите, не в себе он...

Х о м я т о в *(зло)*. Ничего, мы этим славянофильствующим антисоветчикам мозги вправим...

В е р а **С т е п а н о в н а**. Иван идет...

Входит **И в а н**. Это высокий широкоплечий мужчина с деревенским лицом.

В а р т а н ь я н ц *(сердито)*. Иван, где же ты ходишь?

И в а н. Прошу извинения, за папиросами отлучился... А кого вывести надо?

Ч е р н о к о т о в. Меня, колхозник... *(Внезапно из всех сил ударяет Ивана стулом, попадает по плечу)*.

И в а н *(скривившись от боли)*. Ох, ядрено сало...

Общий крик. Смятение.

Х о м я т о в. До каких пор это безобразие будет продолжаться, где милиция?

И в а н *(потирая руку)*. Не беспокойтесь, гражданин начальник. Мы его без милиции возьмем...

Ч е р н о к о т о в *(в нем произошло новое изменение, исчезла хулиганская веселость, явился бешеный гнев)*. Что, колхозный активист... Распнешь Россию, мать старуху за краюху хлеба... Раскулачишь... *(и он плюнул Ивану в лицо)*.

Снова взрыв всеобщего возмущения.

Петрузов (*Чернокотову*). Ты что, дурак, мерзавец... Ты кому плюешь... Мужик у русскому плюешь...

Иван. Ничего, я утрюсь... (*Изловчившись, ударяет ногой в живот Чернокотова, тот согнулся от боли. Заголосила Валя*).

Вартаньянц. Иван... Ты... Так не надо...

В этот момент Чернокотов изо всех сил ударил Ивана стулом по голове.

Чернокотов (*дрожа от ненависти*). Что, сволочь... Такие в матросских бушлатах царя в проруби топили... Вместе с евреями... Царь-отец детям своим ладонями глаза закрывал... Кровопийцы.

Далее все наблюдают за происходящим, как бы оцепенев. Иван вскакивает с окровавленным лицом, бросается к Чернокотову. Чернокотов еще несколько раз ударяет Ивана, но тому наконец удается повалить Чернокотова, и он начинает бить и топтать его ногами. И тут из Чернокотова вырывается невесть откуда взявшийся, ибо разговаривал и кричал он низким, прокуренным и пропитым голосом, невесть откуда взявшийся, совсем почти детский, мальчишеский крик, звонкий и долгий... Первой опомнилась Валя, она бросилась и вцепилась в Ивана.

Подбежали и Труш с Петрузовым.

Труш (*к Ивану*). Ты что, сукин сын... Ты человека убиваешь... Ты человека...

Чернокотов лежит неподвижно, Иван стоит, тяжело дыша, в разорванной рубашке, утирая с лица кровь.

Вартаньянц (*бледный, с отвисшей челюстью*). Ты, Иван, иди... Иди к себе, Иван...

Валя и Петрузов поднимают Чернокотова, ноги его подгибаются, лицо заплыло от побоев. Вдруг громко заплакала Сашенька.

Чернокотов (*с трудом повернув голову*). Уведите девочку. пусть не смотрит.

В а р т а н ь я н ц (*растерянно*). Кто бы мог подумать... Иван... Тихий вроде бы человек... Надо принять меры...

Т р у ш (*подойдя твердой походкой, зло*). Вам не удастся, Павел Дмитриевич, свалить вину на стрелочника... Это вы велели Ивану избить Чернокотова...

В а р т а н ь я н ц (*испуганно*). Что вы такое говорите, Элем Анатольевич...

Т р у ш. Вам не удастся... Здесь под крылышком Хомятова... (*Поворачивается к Хомятову.*) Мы напишем, мы обратимся к общественности... Сейчас не сталинские времена... Вы устроили здесь подлое судилище над русским гением... Над Федором Михайловичем Достоевским... Волны грязи и пошлости накатывались на это святое для каждого русского человека имя... А когда это вызвало законное возмущение, вы воспользовались человеческими слабостями нездорового человека и сталинскими методами... Да... Пытки возрождать хотите...

Х о м я т о в. Вы думайте, что говорите, молодой человек... Вы уже давно совершеннолетний, будете отвечать за свои слова...

Т р у ш. Нэ пугайте, не страшно... Мы весь свой испуг в прошлом оставили...

П е т р у з о в. При чем тут Сталин, при Сталине никогда бы такое не случилось...

Ж у о в ь я н. Это верно... Тогда в литературных учреждениях никогда не избивали... Это уже беспорядок...

Х о м я т о в (*Жуовьяну*). А вы, молодой человек, тоже поменьше болтайте... Вами тоже следует заняться... Выяснить, что вы за птица и каким идеологическим зерном питаетесь...

К а р а б и н о в и ч (*Хомятову*). Пойдемте, Алексей Иванович... (*Выходят.*)

С о с к и с (*Вартаньянцу*). Видите, как хорошо, что я не вызвал милицию... Ситуация сложная... Лучше всего тихо с ней покончить (*к Чернокотову*). Ну как ты, Вася?

Чернокотов. В груди жжет... Пить хочется...

Соскис. Ты талантливый парень, Вася... Тебе работать надо...

Петрузов. Так я же ему предлагаю работу...

Соскис. Вот Федот предлагает... И я помогу... Любят наши интеллигентики деревенского парня затравить... А ты, Вася, повод даешь... Безобразно ты себя вел, между нами говоря...

Валя. Пойдем, Вася, в заднюю комнату... Я тебе лицо спиртом промою... Лучше всякой „скорой помощи"... Скотина, как парня побил... *(Кривясь от боли и опираясь на Валю, Чернокотов уходит.)*

Соскис *(Вартаньянцу)*. Ивана надо немедленно уволить... Он нас когда-нибудь очень подведет... Помните, в прошлом месяце он старика в спину толкнул...

Вартаньянц. Да, да... Конечно...

Монцевич. Так состоится ли после этого... Хе... фи... эп... апокалипсического перерыва вторая половина редсовета?..

Вартаньянц. Немного подождите... Прошу вас... Сейчас выяснится... Какое ужасное ЧП... Михаил Залманович *(он берет Соскиса под руку и они отходят, тихо разговаривая)*.

Жуовьян садится рядом с молча сидящими Колмаковой и Эдемским.

Эдемский *(тихо)*. Я, Сережа, сейчас снова сон свой вспомнил... Помнишь, про черта, полностью на черта Достоевского не похожего и даже черта Достоевского отвергающего... Помнишь черта Достоевского?

Жуовьян. Того веселого неопрятного господинчика в потертом фраке... Интеллектуала...

Колмакова. Ты так мне свой сон и не рассказал... Сереже рассказал, а мне нет *(ежится)*. Меня озноб трясет... Какой ужас... Посмотри, какие у меня руки холодные *(прикасается ладонью к щеке Эдемского)*.

Эдемский. Была оттепель, беспокойная ночь, дождь

пополам со снегом... Дождь в декабре... Заснул я поздно. Снится, иду я где-то, где уже не помню, вижу играют собаки между собою, и чудится среди них то ли крупный козел, то ли свинья, то ли некое непонятное существо, тоже с ними играет... Однако страха не испытываю и приглядываюсь к их игре с удовольствием. Я люблю, когда животные между собой играют... И тут замечаю, не козел это и не свинья, а все-таки собака... Вернее, пес... Это слово более к месту... Ростом с крупного козла, шелудив, клочья серой длинной шерсти на нем, грязен он и голоден, завалившийся живот, рахитичные лапы, большая голова — то ли собачья, то ли волчья... Продолговатая... Огромные глаза, серые, мокрые... Сливы водянистые — вот какие глаза... Но разрез глаз не поперек морды, как обычно, а вдоль... Я подошел ближе, собака остановилась, играть бросила, повернула ко мне голову и смотрит недобро, но без видимой злобы. Холод, вот что там во взгляде... Глаза серые, но это не цвет живого серого глаза, а серость воды в дурной день... Однако я не пугаюсь, а как обычно, когда вижу большую, опасную собаку, поворачиваюсь и ухожу. И только проснувшись, понял — это бес.

Ж у о в ь я н. Бес — понятие весьма переменное. Идея Бога так же переменна, но по-иному... Пока сменяется одна идея Бога, успевает смениться десяток бесовских идей.

К о л м а к о в а (*по-прежнему дрожа*). Какая разница между Богом и идеей Бога?

Ж у о в ь я н. Идея Бога рукотворна.

К о л м а к о в а (*дрожа*). А идея беса? По Достоевскому, дьявол поселяется не в низших, а в высших сферах человеческой психики. Он — интеллект.

Ж у о в ь я н. Я не согласен... Интеллект может служить дьяволу, но только лишь как коллаборационист.

Э д е м с к и й. Это все оттого, что Достоевский не понял злую силу физического голода, силу его напора и созидания. Та часть интеллекта, которая дьявольски искушает, находится лишь в трусливом услужении у первородного физического голода, могущество которого в его несчастье...

К о л м а к о в а. Фу, за разговорами и успокоилась... Эта история так меня напугала... Какая жестокость...

Ж у о в ь я н. Вот она трагедия... И здесь негодяй неуязвим... Совершая зло и несправедливость по отношению к негодяю, мы его морально реабилитируем... Вот аспект христианской заповеди, видимой ясно в двадцатом веке... Но что же делать? Иными словами, справедливое возмездие, заставляющее негодяя страдать, придает ему человечность и лик Божий, которого он недостоин... Иисус не жалел негодяя, бьющего тебя по щеке, он хотел его покарать более страшной мстью, лишив права страдать и тем самым обнаружить лик Божий... Но нам в текущей жизни как покарать негодяя, не заставляя его при этом страдать? Вот подлинная проблема гуманизма девятнадцатого века, которую мы получили в наследство неразгаданной.

Э д е м с к и й. И это несмотря на то, что этой проблемой мучился мессия русской литературы и все его апостолы.

К о л м а к о в а *(которая заметила Карабинович, делающую ей какие-то знаки)*. Пойдемте, ребята, в коридор, погуляем, душно здесь.

Э д е м с к и й. Несмотря на то, что этой проблемой мучился мессия Александр и апостолы Михаил, Николай, Лев, Федор, Антон...

К о л м а к о в а. Вы забыли Ивана... Вот Тургеневым бы тебе, Ромка, заняться с твоими способностями.

Ж у о в ь я н. Раздача литчинов для энциклопедии... А Федора я все же из апостолов исключил.

К о л м а к о в а. *(раздраженно)*. Но Достоевский первый на обозримом нами и близком нам отрезке цивилизации расщепил человеческую душу, и с этим ничего не поделаешь... Он совершил в литературе то, что Кюри совершил в физике... Или Нильс Бор, в общем, не помню...

Ж у о в ь я н. Да не расщеплял он души... Как говорится, не было этого... Он первый заговорил о том, о чем ранее принято было молчать, хоть оно с давних времен известно если не всем, то многим. Он первый превратил в проблему и в материал для исследования физиологические отходы

души... Ведь у души, как и у тела есть свои физиологические отходы, и физиологические отходы души точно так же не терпят публичности, как и физиологические отходы тела... Но, безусловно, эта интимность многих тяготит, особенно в бездуховные времена, ибо единственно где нормальный человек не тщеславен, это в пороках как зависящих от него, так и не зависящих... Именно нормальный, здоровый человек... Творчество Достоевского называют большим, но подавляющее число его поклонников люди клинически здоровые, с хорошим аппетитом... Истинно больному человеку Достоевский вообще чужд и ненужен... Особенно тяготится интимностью порока демократическое общество, где силы раскрепощены от проблем тоталитарного подавления личности государством... Ясно, что того, кто придаст интимности физиологических отходов души хотя бы литературную легальность, такое демократическое общество в свои бездуховные времена увенчает лавровым венком гения... Вот откуда венок Европы на азиатской скуластой голове Достоевского...

К о л м а к о в а (заметив, что Карабинович по-прежнему делает ей знаки и уже открыто машет рукой). Пойдемте все-таки, ребята в коридор, погуляем... Слишком уж здесь душно... Обратите внимание на просьбу дамы... (Колмакова, Эдемский и Жуовьян уходят.)

Возле курительной комнаты останавливаются Хомятов и Карабинович.

Х о м я т о в. О подобных национал-шовинистических тенденциях к нам поступает немало сигналов... Под невинным предлогом анализа наследия прошлого пытаются реабилитировать такие личности, как Бердяев, Катков, Мережковский, Суворин... То цитаткой, то сравнением... Пытаются подобные манипуляции проделать и с классикой... Особенно с Достоевским... Подать его под собственным ракурсом... И вот, пожалуйста, спор перерос в открытую антисоветчину и даже в безобразную хулиганскую драку...

К о л м а к о в а. Какие хулиганы? Это, Алеша, просто погромщики... Особенно этот... Чернокотов...

Х о м я т о в. Да, Зоя, согласен... Я теперь вспомнил, Чернокотов... Кажется, эта фамилия у нас уже проходила... Он привлекался по делу о каком-то рукописном славянофильском журнальчике...

К а р а б и н о в и ч. И вышел сухим из воды?

Х о м я т о в. Ну не совсем сухим... Сборник, который они готовили к изданию, зарезан как славянофильский... Признаюсь, это я приложил руку... А подобный безобразный случай дает новый материал... Это хорошо... что я лично присутствовал... *(смотрит на часы)*. У меня через пятнадцать минут серьезная встреча с одним товарищем, я обязательно коснусь.

К а р а б и н о в и ч. Как? Разве ты уезжаешь? Ты не будешь на второй половине редсовета?

Х о м я т о в. Дела, Зоя. Весь этот скандал, все это отняло время... Но я поговорил с Вартастьянцем, моя точка зрения ему известна, работа хоть и спорная, но написана с известной новизной...

К а р а б и н о в и ч. Не юли, Алеша... Ты такой большой, такой всесоюзный... фронтовик... От орденов парадный пиджак трещит... Стыдно, когда ты, как мальчишка, неправду говоришь... Уличной шпаны испугался...

Х о м я т о в *(раздраженно)*. Шпаны, шпаны... Это сложнее, чем ты думаешь... Тебе легко говорить, ты лицо безответственное... С одной стороны, тенденции славянофильские, национал-шовинистические, они подлежат осуждению, тут двух мнений быть не может, но ведь противостоит им тоже не наша точка зрения... Не мысль о том, что человек есть высшая ценность посюстороннего мира, и в этом смысле проявляются сильные и слабые стороны творчества Достоевского... Противостоит космополитичность суждений, утверждение о том, что персонажи Достоевского есть плоды каких-то сублимаций их творца... Какие-то комплексы, фрейдизм... И будем прямо говорить, в некоторых местах действительно неуважение к личности русского гения...

К а р а б и н о в и ч. Но ведь талант автора не подлежит сомнению, ведь это твои слова... А если ты уйдешь, Соскис

и компания Эдемского задавят, не дадут существовать не только здесь, но и в других местах.

Х о м я т о в. А что я могу сделать... Ты думаешь, я Геркулес или член Политбюро... И в конце-то концов, почему я должен рисковать ради человека, который ко мне относится с неуважением. Разговаривал он со мной дерзко, и этот приятель его... Этот Жуовьян...

К а р а б и н о в и ч. Речь идет об Эдемском, а не о Жуовьяне. Жуовьян — личность, действительно, безответственная, здесь ты прав... Крикливая личность...

Х о м я т о в. Слава Богу, хоть в одном ты со мной, наконец, согласилась... Не понимаю, Зоя, зачем тебе тратить силы и здоровье на этих нигилистов... Тут, конечно, женская неудовлетворенность (*хочет ее обнять*).

К а р а б и н о в и ч. Перестань, Алеша... Обнимай Эсфирь.

Х о м я т о в. Ревнуешь... Эсфирь тоже ревнует. Но, во-первых, она жена, а во-вторых, она древних южных кровей... Мы же русские, молодая нация... Мы ребячья нация... Нам все игра...

К а р а б и н о в и ч. Не сейчас, Алеша. В другой раз об этом... Алеша, помоги талантливому парню, прошу тебя... Вспомни, как много было в русской литературе случаев, когда вовремя поддержанный талант освобождался от наносного, расцветал, приносил богатства незаменимые и невозполнимые для русской культуры... Наверно он как бытовая личность раздражает, но в конце концов...

Х о м я т о в. Ты не влюблена ли в его бытовую личность, моя девочка (*улыбается*). У русской культуры от собственных талантов полки трещат, ставить уже некуда.

К а р а б и н о в и ч. Какой ты сегодня неприятный, циничный...

Х о м я т о в. Я всегда циничен, когда беспокоен... И скажу тебе честно, Зоя, я мало чего могу сейчас сделать. Положение мое как будто и высокое, выше, чем раньше, но раньше я мог больше сделать.

К а р а б и н о в и ч. Когда это раньше, при Сталине?

Х о м я т о в. Да, тогда... Не надо все в прошлом подвергать осмеянию и свисту... Это не творческая позиция...

К а р а б и н о в и ч. Понимаю... Раньше были снижения цен на мотоциклы и мотороллеры...

Х о м я т о в. Общественная ирония... Вы ведь все по слухам, по пристрастиям... Много было дурного. Я, может быть, значительно больше знаю о дурном, чем ты, но много было и хорошего... Еще до Двадцатого съезда я одним из первых осудил прошлое, в том числе и свое прошлое. Но теперь, когда начинаешь задумываться...

К а р а б и н о в и ч. О чем?

Х о м я т о в. По крайней мере я знал, как действовать... Где небо, а где земля... Где право, а где лево... И что надо для того, чтобы помочь человеку... Во время космополитизма я многим помогал и словом и деньгами... И ни разу я не получил анонимки, где было сказано, что я антипатриот, предатель русского народа и покровитель жидов... За прошлый месяц я получил пять анонимок... Пять (*он показывает пять пальцев*). Такого при Сталине быть не могло... Анонимщики давно б были за решеткой...

К а р а б и н о в и ч. Да, тогда все было более централизовано.

Х о м я т о в. Представляешь, Эсфирь совсем сна лишилась... Она боится, что какая-нибудь анонимка попадет в руки ребятам. Старший мой, Андрей, увлекается старинной русской иконописью, собирает старые иконы... И вдруг прочтет, что его отец предатель русского народа... Ты вот смотришь на меня и думаешь: вельможа, трус, консерватор, сталинист, а ведь я тоже каждодневно в тревоге оглядываюсь по сторонам... Вы любите говорить о возрождении общества... Но ведь возрождается и реакционное вольнодумство... Раньше оно лакействовало перед сильной властью, стараясь исподтишка толкнуть ее в нужном направлении, но сейчас оно тоже от контроля освободилось, оно тоже хочет говорить в полный голос и дышать полной грудью... В России либеральный нигилизм есть троянский конь черносотенного нигилизма... Умеренный консерватизм — вот наша надежда...

К а р а б и н о в и ч. Так у тебя тоже доктрина?

Х о м я т о в. Не у меня, а у нас... К счастью, таких, как я, еще достаточно в России.

К а р а б и н о в и ч. Теория логичная, но одна маленькая неувязка. Вы никогда не задумывались, кто сидит в вашем чреве?

Х о м я т о в. Если они и сидят в нашем чреве, то по крайней мере связаны порядком и субординацией... В оппозиции же свобода излияния.

К а р а б и н о в и ч. А тебе не кажется, что при субординации возможно продвижение из чрева по служебной лестнице?..

Х о м я т о в. А это уж позволь нам позаботиться... Старикам... Консерваторам... Помнишь, как Пушкин опасался чрезмерного продвижения по служебной лестнице молодежи... Мы ведь тоже кое-что знаем, читаем классиков... Спору нет, Эдемский — талант, но ведь если сегодня помочь ему, завтра надо помочь Чернокотову... Говорят, он тоже талант... По-своему, конечно... Нет, Зоя, хватит оттепелей. Мы — северная страна... Умеренный мороз нам на пользу... Дышится легче, снегом все покрыто, чисто, свято... Люблю русскую зиму, люблю русский лес зимой... Эсфирь с ребятами после Нового года едут на школьные каникулы в Прибалтику, а мы с тобой на лыжах махнем... В Брянские леса... Я там в войну много попетлял... Партизанский край... Чудные места... Мяса зажарим на углях... А об Эдемском подумаем, только пусть он ведет себя потише. Пыль осядет от скандала, тогда, может, в периферийном издательстве... Ну, я пойду... Не хочу никого видеть... Скажешь Вартаньянцу — срочный звонок с верхов... Я слышал, он неизлечимо болен?

К а р а б и н о в и ч. Рак легких...

Х о м я т о в. Что ты... И такая служебная активность у неизлечимо больного...

К а р а б и н о в и ч. Все мы неизлечимо больны с момента рождения. Однако суетимся совсем в других направлениях.

Х о м я т о в. Да, жаль, что нас не будет через двести лет... Посмотреть бы на мир, на Россию, какими они станут без нас?.. Хотя, какой там через двести, через пятьдесят лет,

через тридцать нас уже не будет... А что такое тридцать лет? Ручкой подать... Как там сказано — „если нет бессмертия, мировой процесс не имеет смысла...“ А раз так, все позволено: режь, руби, насилуй... Ницшеанство...

К а р а б и н о в и ч. Но ведь автор против этого и восстает.

Х о м я т о в. Восстает-то он восстает, но впадает в другую крайность... Нет, Зоя, вряд ли это пройдет и в периферийном издательстве... Посоветуй автору переменить тему... Ну, я побежал (*целует ее в щеку*).

К а р а б и н о в и ч. Если бы, переменив тему, можно было бы перепрыгнуть через свою могилу и пойти дальше.

Х о м я т о в. Это экзистенциализм, Зоя... Это Европа... Это не для русского желудка.

К а р а б и н о в и ч. А как твои статьи против русофилов?

Х о м я т о в. Я не русофил, смешно даже об этом... И не тебе об этом... Ты-то меня знаешь... Но вот, например, в работе твоего любимца Эдемского приведены прекрасные слова французского критика Вогюз об одном из литераторов: „Такое перо, как ваше, защищает Францию, как шпага...“ О ком из нас можно с уверенностью сказать, что наше перо защищает Россию, как шпага?

К а р а б и н о в и ч. А тебе не кажется, что русский меч должен прокладывать путь русскому плугу?..

Х о м я т о в. Что? Шуточки... И почему это мы с некоторых пор должны вечно оправдываться в своей любви к отечеству?.. Что за мода пошла... Эсфирь права... Русским не обязательно быть от рождения. Это шовинизм, национализм... Русским может стать всякий, полюбив Россию, как самого себя (*вдруг вспыхив*), или любите Россию, или убирайтесь к чертовой матери! (*Идет к дверям, стуча ногами, на пороге останавливается.*) Я не менее вашего ценю литературную честность... Что за монополия с вашей стороны на литературную честность... (*Выходит.*)

К а р а б и н о в и ч (*тихо*). Эк его прорвало... Взбесился с полоборота... Впрочем, завтра придет мириться и извиняться... Это с ним уже бывало, и по тому же поводу. (*Уходит.*)

Некоторое время у курительной комнаты и в буфете пусто, только Касьяновна возится, убирая со столов пустую грязную посуду и окурки.

К а с ь я н о в н а. Мое дело в комнатах подмести да буфет убрать... А тут кровяща... Чтоб вы сгорели...

Петрузов и Труш выводят из задней комнаты Чернокотова с забинтованной головой и пластырями на лице. Следом идет Валя.

В а л я. Ну как ты, Вася?

Ч е р н о к о т о в *(с трудом шевеля губами сквозь бинты)*. Ничего... Отдышался, отсиделся, отстучал донскую дробь на барабане... *(Силится улыбнуться)*.

В а л я. И как только он тебе ребра не поломал...

Ч е р н о к о т о в. А у меня секрет *(скривился от боли, передохнул)*, мужицкий... Народное средство... Русского мужика давно б заporоли, если б не средство от дедов, прадедов... Как бить начинают, он донскую дробь... Брюшным воздухом, луком да кислым хлебом... Необъяснимое медициной укрепление организма происходит... Хоть до крови секи...

В а л я *(смеется)*. Ну тебя, Вася... Бесстыдник ты...

П е т р у з о в *(смеется)*. В здоровом теле здоровый дух... Русская живучесть.

Т р у ш *(зло)*. Я с них не слезу... Вся эта банда от мала до велика... От Хомятова до швейцара... Мало они народ мучили, раскулачивали, в тюрьмах гноили...

Ч е р н о к о т о в *(кривясь от боли и прикасаясь к бинтам)*. А Иван этот... Рожа лакейская... Как увидел, нахлынуло на меня... Такие, думаю, раскулачивали... И когда царских детишек в проруби топили, такие в матросских бушлатах вместе с евреями их ручки ото льда отдирали... Царь-отец сам детишкам глаза руками закрывал...

П е т р у з о в. Опять тебя в антисоветчину потянуло... Да пошел ты... *(Выходит.)*

Т р у ш. Болтаешь при этом сталинисте...

Ч е р н о к о т о в. Ничего... Это русская деревенская дворняжка... Он хозяина ищет... Сегодня я еще кусок ему бросить могу... Но послезавтра...

В а л я. А вон Касьяновна... При Касьяновне зачем...

Ч е р н о к о т о в. А Касьяновна глухая, не донесет.

К а с ь я н о в н а. Чтоб вы сами оглохли. *(Выходит.)*

Т р у ш. Сейчас такси найдем... Я тебя, Вася, домой пове-
зу... Ты не храбрись, у тебя, может, ребра поломаны.

Ч е р н о к о т о в. А портфель мой где?.. С Федором Ми-
хайловичем портфель...

В а л я. Да вон он за стойкой *(берет за стойкой пухлый
портфель и ставит возле Чернокотова)*.

Ч е р н о к о т о в *(подмигивая и дергая головой)*. Мне че-
кизм-кегебизм не страшен. Я психически ненормальный...
Кукуреку...

В а л я *(утирая слезы)*. Деньги-то у тебя есть, обедать есть
на что?

Ч е р н о к о т о в. Хлеб да соль, да сало недорого стоят...
Хлеб да сало — вот тебе и весь русский ресторан... Куриных
блюдов в нем не подают...

Входит Соскис.

С о с к и с. Ну как, Вася?

Ч е р н о к о т о в. Спасибо, ничего, Михаил Залманович.

С о с к и с. Ну ты, Вася, тоже... Ведешь себя безобразно,
между нами говоря... Парень ты талантливый, откровенно те-
бе заявляю, как и раньше заявлял... По-народному талант-
лив, от земли. Зачем же тебе этот интеллигентский книж-
ный нигилизм?.. Ох, Вася, Вася, смотри у меня, Вася *(он
шутливо погрозил ему пальцем)*.

Т р у ш. Как парня избили, как в концлагере... Воспользо-
вались человеческими слабостями...

С о с к и с. Да я уж высказал свое возмущение... Думаю,
это будет иметь самые серьезные последствия...

Т р у ш. Пойдем, Вася, я тебя провожу...

С о с к и с. Вот вас, Элем Анатольевич, я попросил бы ос-
таться... Мы быстро закончим... Проголосовать надо, чтоб ре-
шение в стенограмме было закреплено...

Т р у ш. Нет уж... Я покинул заседание и в присутствии

Хомятова находиться там не желаю... Он думает, что ему все позволено. Но сейчас не времена культа личности... Сейчас Федора Михайловича гробовыми досками не заколотишь...

С о с к и с. Подождите, подождите, Элем, не горячитесь... Во-первых, Хомятов не член нашего редсовета и присутствовал неофициально. Во-вторых, он уехал и на второй половине присутствовать не будет...

Ч е р н о к о т о в *(со злым весельем)*. Сбежал, сбежал литературный генерал...

С о с к и с *(продолжает)*. А в-третьих, в конце концов сейчас действительно не сорок восьмой год, не времена космополитизма, и вряд ли окрик сверху может заставить нас принять работу, фальсифицирующую и искажающую облик и творчество русского национального гения.

Т р у ш. Это такая подлость, Михаил Залманович... Позволить, чтобы мучительные парадоксы Достоевского стали объектом спекуляции неких, с позволения сказать, толкователей...

Ч е р н о к о т о в. Дерьма вонючего *(поморщившись, прикасается к бинтам)*.

С о с к и с. Тебе, Вася, пора с площадными выкриками распротиться... Повод даешь разного рода интеллигенткам... Я не менее твоего возмущен и Достоевский мне не менее твоего дорог. Но ведь время каменных топоров миновало.

Т р у ш. А иногда жаль, что миновало...

С о с к и с *(разводит руками)*. Что поделаешь, Элем Анатольевич... Но, думаю, мы без каменных топоров сумеем защитить от фальсификаторов дорогое нам наследие Достоевского...

Т р у ш. Горьковские тенденции... Максимиचा... Их бы волю, они бы Достоевского попросту сожгли.

Ч е р н о к о т о в. Это уж вон оно вам, русский кукиш в потолок *(показывает кукиш)*.

С о с к и с. Надо беспокоиться, чтоб Эдемскому ход не только к нам, но и в другие места был закрыт... И никакие дамы, и никакие звонки сверху ему не помогут.

Чернокотов. Приятно, Михаил Залманович, радостно даже... Сейчас даже и среди русских по рождению не часто встретишь патриотов России...

Труш. Ты, Вася, езжай, болтай поменьше. Валентина, может, ты его проводишь?

Валя. Это можно... Я мигом *(уходит в заднюю комнату и возвращается в расстегнутом пальто с платком в руках)*. Пойдем, Вася.

Труш. Врача к тебе вызвать надо...

Чернокотов. Да что я... Вы здесь Федора Михайловича в обиду не давайте... Где мой портфель?

Валя. Я понесу, на тебе ведь живого места нет... Как побили парня, скоты бесстыжие.

Чернокотов кивнул Соскису и Трушу, обнял Валю за шею и, хромя, ушел с ней.

Труш. Путаный он все-таки человек... Боюсь, плохо кончит... Уже и под следствием был и в психбольнице...

Соскис. Народный талант... Есенинское детство за плечами... Пастух... Приехал в Москву с деревянным сундучком... Но знаете, как у нас умеют, интеллигентское высокомерие... Таких, как Эдемский, — на передний план, шепчутся, подмигивают, в рукописях читают... Ах, ох... А деревенского парня в шею... Так, в общем-то, что мы имеем, как говорят в Одессе... Вартаньянц колебался, но теперь он против... Он теперь против, может быть, сильнее, чем мы оба вместе взятых... Так... Шмулер-Дийсный уехал, но оставил записку, что он против... Монцевич против... "За" будут обе дамы... Петрузов против... Лобачев — неизвестно... Кугушев... Этот больше всего спорит с Эдемским, но, как ни странно, он может быть „за“... Он ведь примерно год назад тоже представил нам договорную работу о Достоевском, которая была отвергнута. Конечно, без скандала... Помните?

Труш. Ну, сравнивать нельзя... Работа была спорной, но с позиций глубокого уважения к Достоевскому... Ка-

жется, она называлась „Пушкинская речь Достоевского“. В ней было много весьма любопытного... Анализ аскетизма, чистоты, высшего духовного примирения со страданием... Анализ „про“ и „контра“ русской души.

С о с к и с. Ох, молодежь... Сперва молодые люди, потом разбойники... Все вас не туда... Все вас в глубины мрака... А ведь главное — это поэтический мир невиданной новизны и смелости, о котором верно писал Томас Манн, анализируя творчество Достоевского... Впрочем, времени мало, не будем отвлекаться... Так что Кугушев может быть и „за“... А к Кугушеву прислушивается Петрузов...

Т р у ш. Федот не посмеет... Да и Кугушев, думаю, будет против.

С о с к и с. Надо брать худший вариант... Но даже худший вариант в нашу пользу (*смотрит на часы*). Пойдемте, скоро начинаем. Думаю, это займет не больше десяти минут.

Входят Эдемский и Жуовьян. Обмениваются с Трушем и Соскисом враждебными взглядами и садятся за столик.

Ж у о в ь я н. А буфет не работает, что ли?

С о с к и с (*Эдемскому, сухо*). Мы сейчас начинаем.

Э д е м с к и й. Хорошо, я приду.

Соскис и Труш уходят.

Ж у о в ь я н. Какая гадина... Типичная личность, рожденная в стойле... У него в боковом кармане уже и гвозди позвякивают, чтоб распять тебя...

Э д е м с к и й (*усмехнувшись*). Тайна Голгофы... Правда, распятая на кресте, никого не насилует... Ее можно только свободно обличать или принимать...

Ж у о в ь я н. Если бы все так просто... На кресте распинают ведь не только Христа, но и Антихриста... Я мечтаю написать работу под названием „Распятие Антихриста“... Что, ты не согласен? Тогда будь уж логичен, прими „слезиночку“ из „Великого Инквизитора“... Прими атеистическую мысль

Версилова о том, что много гордых людей любили Бога, чтоб не любить род людской... Прими, наконец, слезы самого апостола Федора, когда Белинский при нем ругал Христа... Слезы эти ведь на недоразумении основаны... Не понял Достоевский, о чем речь... Белинский ведь ругал чужого Христа, из Назарета, а Достоевский по русскому Христу плакал, из Курска или Вологды... Прими также поцелуй, которым наделил апостол Федор Мессию русской литературы Александра во время открытия ему памятника в тысяча восемьсот восьмидесятом году... Не знаю, как тебе, а мне поцелуй этот слишком напоминает тот евангельский, после тайной вечери, отвергнувший и Христа и Бога.

Э д е м с к и й. Достоевский не отверг Бога, тогда б его атеизм был малоинтересен... Достоевский родился без Бога, и в этом причина современности его нынешних художественных завоеваний и причина порабощения им духовной жизни двадцатого века... Иван Карамазов отказывается любить мир Божий бесплатно и бескорыстно, выгоду же и прибыль ищет самую высокую, выше чего и не бывает для человека — высшая прибыль отсутствие страданий, беря за предельные страдания — детские страдания.

Ж у о в ь я н. Но ведь и Толстой, помнишь: „Я ничего не хочу, я желал бы только не страдать“. Такое доведенное до крайности понимание Христа.

Э д е м с к и й. Нет, здесь другое... Тут просьба... Достоевский же стремится к страданию, чтобы доказать через него ущербность Божьего мира. Тут снова атеизм. Иное дело Иов... „И отвечал Сатана Господу и сказал: разве даром богобоязнен Иов...“ Нет, оказывается, даром, без корысти богобоязнен человек из земли Уц... Бескорыстия в любви, не бытового, а высокого, космического бескорыстия не принял Иван... Билет свой вернул... Не любовь, а ее антипод свобода — его идеал... А свобода никогда не бывает бескорыстной...

Входят Карабинович и Колмакова.

К о л м а к о в а. Что ж вы здесь сидите, ребята, вас ждут...

Ж у о в ь я н. Ну, меня вряд ли... И Ромке, по-моему, идти туда бесполезно...

Э д е м с к и й. Хомятов ушел?

К а р а б и н о в и ч. У Алексея Ивановича дела... Но он поговорил с Вартаньянцем... Сделал что в его силах.

Ж у о в ь я н. В последнее время у ихнего брата с капитанских мостиков все торжественные юбилеи, да торжественные похороны... Насчет похорон я согласен, повод есть, а вот для торжественных юбилеев...

К а р а б и н о в и ч (*сердито вскинув голову*). Некоторые до седых волос сохраняют бескомпромиссность, излишнюю категоричность и узость суждений, что характерно для подростков и юношей... Это психический инфантилизм... Юношеская психика в тридцать пять лет, это, извините, смешно (*выходит, сердито стуча ногами*).

Ж у о в ь я н. Обиделась за своего...

К о л м а к о в а (*сердито*). Как это непорядочно... Ради вас Зоя пошла на какие-то компромиссы... Чего ей стоило уговорить Хомятова приехать...

Ж у о в ь я н. Оставь, Оля... Можно, конечно, вести себя инфантильно, тут она права, но не все же время...

Замолкают и некоторое время сидят молча.

Э д е м с к и й (*как бы с середины*). Талант, а тем более гений, по своей органике несет в себе элемент безбожия, и верующему человеку всегда приходится с трудом, а иногда и с мукой преодолевать это естественное свойство таланта...

Ж у о в ь я н. Это проблема сознательного и бессознательного.

Э д е м с к и й. Да... В сознательные идеологические моменты своего творчества преодолеть такое никогда не удастся, а только в бессознательные... Достоевский, в отличие от Пушкина, Гоголя и даже Толстого, писатель, в коем бессознательный элемент хоть и присутствует, но крайне ничтожен... Достоевский — писатель идеологический, классовый,

почти в революционном понимании классов общества... Его понимание народа как только низшего слоя, занимающегося физическим трудом, его соблазн народопоклонства, все это идеологически и сознательно... Толстой если и соблазнялся, то личностью в народе. Достоевский же — низшим классом как единым божеским небесным существом... Потому в толстовском „Утре помещика“ серьезнее, чем в „Бесах“, показ революционных сил России...

Ж у о в ь я н. Кстати, о народном характере... Даже самые ярые последователи Достоевского, стоит зайти о том речь, выдвигают немедленно и в первую очередь дачное ребячье впечатление писателя — мужика Марья... Маленький эскизик, более ничего... И при таком понимании народной жизни — слепое преклонение перед ней на уровне идолопоклонства.

Э д е м с к и й. И прибавь к тому сатиру... Смех по сути своей атеистичен, и первыми сознательными атеистами были сатирики... В Библии, где имеются атеистические места, поскольку в Библии все имеется наперед заданное и существующее, в Библии присутствует и сатирическое начало, Евангелие же самая серьезная и несмешная книга в европейской культуре... Может, еще и по этой причине, помимо прочих, сатирик Достоевский в „Великом Инквизиторе“ вместо недоступного ему Иисуса Христа вывел загримированного и переодетого князя Мышкина, вывел и переселил в шестнадцатое столетие, в Севилью, князя Мышкина, личность, которой, в отличие от евангельского Иисуса, все человеческое чуждо, да и, более того, всю поэму о втором пришествии густо наперчил сатирой в духе Вольтера и энциклопедистов как в отдельных выражениях типа „воздух лавром и лимоном пахнет“, так и в общем направлении, отчего простодушный Алеша время от времени восклицает, слушая брата, через которого Инквизитор проповедует: „Я не понимаю, он иронизирует, смеется?“ На что Иван с серьезом, на который способен опытный сатирик, отвечает: „Нимало... Все от чистого сердца“.

К о л м а к о в а. Все-таки приятно, ребята, что вы вместе. Слушаешь вас не то что с интересом, с восторгом... Но

под стенограмму это говорить не стоит... Там восторгов не будет.

Ж у о в ь я н. Зачем тогда вообще... И зачем тогда в частности...

К о л м а к о в а. Не надо только изображать из себя Донкишотов... И все будет хорошо... В наше время даже и пещер нет, где можно питаться сушеными кузнечиками и акридами.

Входит Вартаньянц.

В а р т а н ь я н ц (*сердито*). Друзья мои молодые, что это за несерьезный и нетактичный подход к редсовету... Мы уже пятнадцать минут вас ждем, а вы в буфете...

К о л м а к о в а. Мы сейчас, Павел Дмитриевич... В принципе, позиция каждого из нас ясна. Алексей Иванович Хомятов, который, к сожалению, вынужден был уехать по делам, совершенно верно подытожил общее направление...

В а р т а н ь я н ц. При всем моем уважении к Алексею Ивановичу итоги подводить должен все-таки редсовет... Это порядок не желательный, а обязательный. Хотя много было сказано правильного, ничто не явилось такого, что могло бы повести автора в нужном направлении, и сам автор нам в этом несколько не помог. Шел спор сугубо теоретический.

К о л м а к о в а. Но ведь подавляющее большинство, за исключением открытых недоброжелателей, говорило о таланте автора... Что же касается этого пьяного хулигана и его тайных покровителей...

В а р т а н ь я н ц. Не будем касаться скандала... Речь сейчас идет о работе... Для того чтобы она имела перспективу, недостаточно только констатировать талантливость. Разумеется, работа проделана серьезная, а это означает в переводе на деловой язык, что аванс остается в пользу автора при всех условиях.

Э д е м с к и й (*махнув рукой*). Я не ради денег, ради денег я бы писал репризы в цирк.

В а р т а н ь я н ц (*сразу побагровев*). Что вы машете рукой, молодой человек... Жене своей дома махать будете...

Эдемский. Я холост.

Колмакова. Замолчи, Ромка...

Вартаньянц *(еще сильнее побагровев)*. Что за наглость, точно мы вам в чем-то обязаны *(начинает кашлять)*. Что за самодовольство в молодые годы... Что за злобность и нигилизм... Что за... *(Кашляет, закатив глаза, положив руку на горло, трясясь всем телом.)*

Бегает Вера Степановна, входит торопливо Касьяновна. Вера Степановна быстро нащупывает коробочку в левом кармане, достает таблетку, кладет ее в посеревшие губы Вартаньянца. Тот проглатывает. Вместе с Колмаковой они усаживают Вартаньянца на стул. Вартаньянц сидит некоторое время молча, бледный. Тишина.

Касьяновна *(тихо вздыхая)*. Ох, горе, горе...

Вера Степановна. Я вызову машину... Домой вас...

Вартаньянц *(тихо)*. Не надо... Остаточные явления. Бывало по десять раз в день, а теперь два-три раза в неделю. *(Встает, идет к выходу, вытирая рот платком.)*

Вера Степановна. Ну, слава Богу!

Колмакова *(негромко)*. Подождите, Павел Дмитриевич... Вместе пойдем *(к Эдемскому)*. Пойдемте, Роман Григорьевич.

Эдемский *(Жуовьяну)*. Сережа, ты меня в скверике... Я недолго...

Жуовьян *(усмехнувшись)*. И у пессимизма должна быть своя этика...

Все, кроме Жуовьяна и Касьяновны, выходят.

Касьяновна *(убирает, ворчит)*. Наломали, набросали, накурили... И чуть чего, руками ругаются...

Жуовьян. Это правильно... Человек человеку — волк, товарищ и друг...

Касьяновна. Ты-то чего здесь... Мне пол мокрой тряпкой протирать...

Жуовьян. Я сейчас уйду, мать... Но ты не гони меня, я сам уйду. Когда человека гонят, это значит — перечеркивают

его личность... По кантовской этике, подозревать в каждом человеке личность, значит уважать его, даже когда человек сам свою личность не сознает.

К а с ь я н о в н а. Ты чего мне говоришь, ты девкам пойди скажи *(смеется)*.

Ж у о в ь я н. Смирись, гордый человек! — выкрикнуть в центре толпы — значит, совершенно не понимать, что такое смирение... Смирение есть одиночество... В присутствии других человек более горд, чем в одиночестве... Достоевского же трудно представить себе в стороне от общества... Вот уж кого в одиночестве не представишь... Это личность общественная, личность двадцатого века...

К а с ь я н о в н а *(отложив тряпку и глядя на Жуовьяна с насмешкой)*. Ты чего, не русский?

Ж у о в ь я н. Нет, почему же, я русский... Но прадед мой был бельгийцем... Настоящая моя фамилия не Жуовьян, а Жюовьян... Не „у“, а „ю“.

К а с ь я н о в н а. А что ты хочешь, если ты чем-нибудь недоволен, к начальству обращай... Тут же они все недавно были, а ты молчал... Вартастьянц, Соскис...

Ж у о в ь я н. Я, мать, вызубрил несколько истин так сильно, что вообразил их своими. Истины же эти не могут быть ничьими, ни Шекспира, ни Канта... Они слишком бесспорны, чтоб кому-либо принадлежать.

К а с ь я н о в н а. Ах, ты о жизни своей мне, что ли, рассказать хочешь... Мать-то, отец у тебя есть? Братья, сестры?

Ж у о в ь я н *(после паузы)*. Была у меня и мать... Вы не удивляйтесь... Вы разрешите мне здесь поговорить... Если вовремя от слов не освободишься, они каменеют в груди... Начинается бессонница... *(Роется в бумагах, которые достает из папки.)* Я об идее непорочного зачатия... Идея непорочного зачатия чужда идее страдания, свободы и наслаждения... Идея Чистой Девы и Абсолютной Матери есть женская бессознательная, то есть за пределами человеческого сознания... Достоевскому же были доступны только научные, сознательные, мужские, однопольные идеи... Идеи Рас-

кольникова и Ивана Карамазова... Лишь изредка и не в главном он впадал в бессознательное... Вся фантастика, романтика и даже иррациональный мистицизм Достоевского, не говоря уже о его идеологии, построены по строгим химическим сознательным законам... Даже падение худосочного Алеши на землю носит скорее медицинский, чем таинственно необъяснимый, бессознательный характер... Человеческую же душу Достоевский материализует, подчиняя ее химическим законам... Дикарь открыл идею Бога, безусловно, в звездную ночь... Но, конечно же, то были не Иван Карамазов и Раскольников... В диком состоянии Иван Карамазов и Раскольников вообще невозможны, имея в виду первобытную дикость... Первобытная дикость — это все-таки начало, а у тех, чьи способности только отрицательные, собственного начала нет... Они во вторую очередь всегда являются... Вспомните „Карамазовых“: „Если русскому школьнику дать атлас звездного неба, то он его тотчас же по-своему переделает“. Наблюдение верное, но, как часто у Достоевского, из верного наблюдения неверный вывод. Хорошо ли это и нет ли здесь главной беды... Здесь не донкихотство, просим не путать... Дон-Кихот — личность пусть и печальная, упрекающая жизнь, но гармоничная, созидательная... Здесь же, в этих русских школьниках, в школьные годы Роди Раскольников и Вани Карамазова уже агармония... Гордыня, но при ясном аналитическом цепком разуме... Нет, они даже и в школьные годы не настолько безумны и не настолько глупы, чтобы не понимать, что звездное небо карандашиком не перечеркнешь... Оно над тобой и вне тебя... Но хотя бы на бумажке, да свое небо, хоть на бумажке, да по-своему в нем звезды расставлены, по-русски... Но были и иные, к сожалению, чаще из логичных публицистов, чем из поэтов... Хотя были и поэты... Они всегда знали, где зарыта гибель России и кто в этом месте упрямо копает... Они знали, что Россию сохранит живое небо, а не то, что из строптивости и гордости рисовал на бумажке русский школьник Федя Достоевский... Трактирный полемист...

К а с ь я н о в н а (*глядя с тревогой и удивлением*). Худо

тебе, что ли, сынок, может, воды тебе дать... Ишь побледнел...

Ж у о в ь я н (*словно очнувшись*). Я пойду, мать...

К а с ь я н о в н а. Ты мирмиладу, может, хочешь... От сладкого голова болеть перестает (*достает кулек и протягивает ему*).

Ж у о в ь я н. Это уже просто с твоей стороны, мать, сатирический прием в духе Вольтера. Как только Вольтеру не хватало аргументов, он высовывал язык, и оппонент его таким образом был уничтожен... Достоевский также не был чужд подобному... Что поделаешь, великие сатирики... Да еще без гоголевских поэтических неясностей... Идеологические сатирики...

К а с ь я н о в н а (*обиженно*). Не хочешь — не надо (*кладет кулек и берет швабру, наматывает на нее тряпку*).

Слышен шум, доносящийся из зала, где идет редсовет... Пауза...

Выходит Эдемский.

Ж у о в ь я н. Быстро же тебя выгнали...

Э д е м с к и й (*смотрит некоторое время на Жуовьяна, достает рукопись, листает ее*). Фома Неверующий хотел пальцем проверить раны на теле Иисуса и только тогда поверить в его Воскресение... Другие ученики поверили, но Фома захотел увидеть раны от гвоздей и вложить пальцы в эти раны и в рану на ребрах... И, подставив раны свои под чужие пальцы, Иисус ответил Фоме: „Ты поверил потому, что увидел меня, блаженны не видевшие и уверовавшие...“. Фома Неверующий, прозванный Ближец, был первым эмпириокритицизмом нашей цивилизации, основавшим свою философию на критическом опыте. К последователям апостола Фомы, получившим распространение, и это весьма характерно, к концу девятнадцатого: — началу двадцатого века, относятся, например, Аверениус и Мах... Их взгляды, обильно взошедшие особенно среди научной интеллигенции, неопровержимы, если исходить из опытного понятия о мире... Но разве опровержимы взгляды Родиона Раскольникова о своем праве на пролитие крови, которую льют, как шампанское, на войнах

и за которую венчают в Капитолии, если исходить из тех же эмпирических, естественных понятий... Разве все вокруг знаменитой „слезиночки ребеночка“ не научная опытная модель справедливости, построенная внутри мира, составленного из однородных химических веществ, мира, где, чтобы уверовать в Правду, надо вложить пальцы в раны этой страдающей за род людской Правды, мира, опирающегося на личный опыт, как на фундамент, мира, где униженные и оскорбленные рассматриваются как наиболее пригодный органический материал для предельных экспериментов над душой, конечный продукт которых является обнаружением зла и преступления даже в недрах любви к людям... Все живое и художественно полноценное в творчестве Достоевского от „человека из подполья“ к Версиллову, Шатову и далее, к Ивану Карамазову, все живое и каждое из них по-разному и в разные моменты своего апокалиптического бытия требовало от Правды позволить им вложить пальцы свои в раны ее, чтобы убедиться наощупь в телесности этой Правды... А если Правда бестелесна, тогда все позволено, вплоть до права личности на пролитие крови... Но телесную Правду даже наощупь Достоевский так и не обнаружил в художественные моменты своего творчества... Толстой верил, что человеческая жизнь участвует в круговороте органической жизни на равных правах с травой и животными... Достоевский отвергал этот общий круговорот... Он требовал от человеческой жизни самоцели и самоконструкции... Но человеческая личность, которую всю свою творческую жизнь конструировал Достоевский, лежит на иных, противоположных путях, Достоевскому недоступных... Неуважение Достоевского к нерукотворным путям „твари дрожащей“ и поиски рукотворных путей „власть имеющих“ есть результат его отчаяния перед мировым процессом... Однако в отличие от Фридриха Ницше, Достоевский даже свое отчаяние подчинил научному любопытству, и потому конечные выводы его всегда мертвые, неподвижные, нечеловеческие, не от Святой Девы, а от химической реторты... Нерукотворный путь личности, по крайней мере, ближе к „твари дрожащей“ не по

результатам, а по природному лону... Но Достоевский отверг этот путь и потребовал прямых доказательств от Бога и Христа... Именно потому Достоевский был и еще некоторое время пребудет духовным вождем двадцатого века... Это упрек всем и никому... Все мы в большей или меньшей степени соблазнялись Достоевским... Ибо первым, кого встречает ныне незрелый, но желающий приобщиться к духовному человек двадцатого века, — это Достоевский... Впрочем, Достоевским соблазнялись не только начинавшие жить духовной жизнью, им соблазнялись и личности, стоявшие в центре духовного творчества, ибо соблазн Достоевским есть одна из духовных болезней двадцатого века... Слепо одержимый Россией, Достоевский при жизни своей, в девятнадцатом веке, не был принят ею в качестве духовного вождя, и подлинное возвышение его началось среди потребительской цивилизации Запада в момент вступления ее в эпоху катастрофических процессов... Анрэ Жид сообщал в начале двадцатых годов о Достоевском (*долго листает работу, потом читает*). „Именно он вершина... Там берут начало самые водные реки, способные в настоящее время утолить ту жажду, которой томится Европа...“ Тут нужны цитаты из Анрэ Жида... Без них, к сожалению, не обойтись... К сожалению, потому что всегда скучно цитировать малоталантливого автора, но в данном случае это необходимо для объяснения „европейской жажды“... Вот говорит его персонаж, романист, писатель, западный психоаналитик (*листает бумаги*). Это в работу не вошло, это черновик, но весьма кстати. Итак, писатель: „Речь идет о молодом человеке, из которого я хочу сделать преступника“. — „В этом я не вижу ничего трудного“, — отвечает его собеседник, который за три страницы до этого эпигонски повторил деяние Раскольникова, выбросив своего случайного спутника из окна вагона, повторил в ситуации и душевном состоянии, лишь фарсово повторяющей ситуацию и душевное состояние Раскольникова... Впрочем, психоанализ в литературе всегда ведет к фарсу, фарс заложен и в самом Раскольникове, но скрыт глубоко в недрах подсозна-

ния, здесь же вульгарный фрейдизм... Но вернемся к цитатам. Андрэ Жид невымыслим без цитат, он все объясняет и за себя и за своих оппонентов... „...Обосновать преступление нетрудно“, — заявляет декадентствующий преступник. „Разумеется... Но именно этого я и не хочу... Я не хочу обосновывать преступление, мне достаточно обосновать преступника... Да, я хочу, чтобы преступление он совершил бескорыстно, чтоб он пожелал совершить ничем не обоснованное преступление. Возьмем его совсем еще юношей... Я хочу, чтоб изящество его природы сказалось в том, что его поступки по большей части игра, и что выгоде он обычно предпочитает удовольствие... Преступление не вызвано ни страстью, ни нуждой...“ Нетрудно заметить, что мысли эти отличаются от мыслей Раскольникова тем же, чем отличается современный массовый вульгарный автомобиль от своего знаменитого прародителя, то есть техническим усовершенствованием, природа которого была predetermined в самой изначальной конструкции... Исчез громадный кузов — наивная идея... У Раскольникова — идея овладеть деньгами процентщицы, чтоб стать с помощью денег добродетелем человечества... Осталась лишь обтекаемая динамичная материальная основа конструкции — „червь я дрожащий, или власть имею...“ Бескорыстное преступление — игра, научный опыт... Устами Андрэ Жида митингово четко сформулирована идеология западного психоанализа двадцатого века, а предел психоанализа — анализ бескорыстного преступления. Это не что иное, как разврат мыслей и чувств, разумеется, если таковой анализ совершается не в области медицины, а в области духовной... Разврат есть результат пресыщения... Преступление же лишь на первый взгляд происходит от избытка... В действительности же — от недостатка и недоступности того, что завещано человеку и что вне человека. Когда потеряно зрение, осязание, обоняние и слух, ищешь пятого иррационального ощущения, вступаешь в разговор с чертом... Так случайно ли именно Достоевский стал пророком и идолом ослепших и оглохших в своем стремлении к безудержной свободе... Прочтите несложного Анд-

рэ Жида и поймете сложного Достоевского... Истинно, идо-
лы, бойтесь искренних идолопоклонников...

Ж у о в ь я н. Раскольников, по крайней мере, страдал,
не от раскаяния, конечно. Сам не знаю, отчего, но страдал.
Лафкадио, этот приобретший европейский лоск Смердя-
ков, читая в газете заметку об убитом им человеке, возму-
щается литературным стилем, которым заметка написана...
Путь от преступления по идее до преступления бескорыст-
ного завершен...

Э д е м с к и й. А вот и исповедь... Раскаяние: „Несчаст-
ное дитя, как вы могли это сделать?“ — „Почему я знаю.
Я сделал это очень быстро, пока мне хотелось“. — „Что вы
имели против Флериссуара, этого достойного человека,
таких прекрасных качеств?“ — „Я не знаю. У него был жал-
кий вид... Как вы хотите, чтобы я вам объяснил то, что я сам
не могу объяснить...“ И все-таки воскресение совершается.
Подслушавшая этот разговор дочь графа жертвует преступ-
нику свою девственность ради воскресения его души... Но
при чем тут Достоевский, можно спросить... Все приведенное
выше из сочинения под кокетливым названием „Подземель-
я Ватикана“, свидетельствует только о том, что Андрэ
Жид плохой литератор. Это, конечно, так. Но вопрос в дру-
гом. Отношение Запада к русской культуре всегда было
несколько „столичным“, покровительствующим, впрочем,
иногда и не без оснований. Вспомним упреки в подража-
нии, адресованные библейскому гению Пушкина... У раз-
ных литераторов на Западе была разная судьба... Лермон-
товым почти пренебрегли, Тургенева чтили и принимали,
Толстого читали и даже кое-что у него заимствовали, во
второй половине века начали учиться у Чехова и даже по-
любили его, но той любовью, какой любят любимого пре-
подавателя лица, которому гимназистки шлют любовные
записочки... Но ни перед кем „столичный“ Запад не уни-
зился в таком неистовом почтении и подражании, как пе-
ред Достоевским, ни к кому не шел он так на поклон, ни-
кого не слушал он с таким вниманием... Какую же всемир-
ную бездуховность воплотил в себе этот обрусевший поляк?

Почему тщеславный нигилист Ницше, отрицавший всех и вся, вплоть до Иисуса Христа, заявлял, что „только Достоевскому удалось научить меня в области психологии“... Андрэ Жид был плохой литератор, но это был человек „высшего света“ в западной культуре начала века, ему можно отказать в таланте, но нельзя отказать в цепком уме... Как же он позволил себе, он, человек столь цинично заостренного ума, совершенно сознательно рабски подражать идеям и сюжету „Преступления и наказания“?.. К провинциалу Пушкину в подражатели он бы никогда не подрядился, особенно так публично... Так можно подражать только пророку, сказавшему не просто новое слово, а то слово, которого давно ждали и искали, но никак не могли найти или не осмеливались найти... Практичный в обиходе Запад давно уже стал непрактичен в идеях, даже собственных, в то время как непрактичная в обиходе Россия в идеях оказалась весьма практична... Практическую бытовую смелость в обращении с всемирными бездонными идеями, вот какое вызревшее к двадцатому веку в России чувство воплотил в своих идейных романах Достоевский. Западу нужен был незрелый практик с другой планеты, романтический, наивный доктринер, а так смело распоряжаться скоплением идей и теоретических доктрин крайнего всемирного масштаба, как распоряжался ими Достоевский, мог только человек с практической хваткой полкового лекаря... Но ведь Достоевский начинал не с всемирных идейных романов... Он начинал не как „всемирный гений“, а как талантливый российский литератор... И, может быть, стоит вернуться к размышлениям о Достоевском, освищенного Андрэ Жидом...

Ж у о в ь я н. Это тот самый Андрэ Жид, который заявлял: с одной лишь наблюдательностью и с таким даром вымысла, если сочетать только чувствительность, то можно стать Гоголем, но нельзя возвыситься до Достоевского...

Э д е м с к и й. Итак, освищенного Андрэ Жидом наивно-го консерватора от литературы, выходца из девятнадцатого века виконта де Вогюз. „Бедные люди“, „Записки из Мертвого дома“, „Преступление и наказание“... После этого, счи-

тал Вогуз, художественный талант Достоевского перестал расти, и он занялся идеями, „которые, как он думал, у него были“.

Ж у о в ь я н. При чем слом этот произошел где-то в середине „Преступления и наказания“... Утверждают, что в „Бедных людях“ Достоевский недостаточно самостоятелен, но этот недостаток, естественный для молодого человека, вполне искупается внутренней одухотворенностью и живым еще гоголевским соучастием к слабым мира сего... „Записки из Мертвого дома“ хороши подлинностью восприятия на естественном, доступном литератору уровне, без натуги... Это еще талант, увлеченный делом, а не стремлением вознестись над самим собой, стать не тем, что ты есть, а гораздо более себя и значительней... „Преступление и наказание“ — такое уже наметилось, но все-таки художественность еще побеждает, особенно за счет первой части... Идейная какофония уже в полной мере существует, но в целом воспринимается не самостоятельно, а как некий музыкальный фон... Художественные открытия еще присутствуют на том уровне, на каком они предъявляются серьезному литератору... Однако далее худшие тенденции „Преступления и наказания“ получают свое развитие, возможно, это связано с внутренним ощущением литератором своей художественной исчерпанности и опустошенности... Эти тенденции и рождают серию „мировых“ романов, принесших Достоевскому титул гения. Но могут сказать, в „мировых“ романах Достоевского встречаются нарицательные характеры... Однако нарицательный характер не обязательно должен быть рожден художником... В периоды общественных движений его даже чаще не столько воссоздает, сколько разглядывает в жизни острый глаз фельетониста-сатирика... Если бедный чиновник Акакий Акакиевич Башмачкин, как, впрочем, и дальний родственник его Макар Девушкин, рождены в творческом таинственном акте, то Смердяков все-таки увиден в жизни ясным глазом фельетониста... Творческого движения вперед от уже достигнутого в „мировых“ романах Достоевского нет. В лучшем случае цепкость и острота

фельетониста... И в ответ на стандартный упрек в скольжении по поверхности проблематики Достоевского можно ответить — вы ищете и находите глубину там, где ее нет и где она только чудится... Раскольников можно упрекать в непорядочном и неразумном доктринерстве, но видно, что он сам двигает своими руками и ногами почти до конца... До „воскресения"... Но „воскресению" отводится всего несколько страничек в конце... В последующих мировых романах руки и ноги множества персонажей иногда остроумно, а иногда и неостроумно дергаются за ниточки... Особенно этим грешит в основных своих чертах „Идиот", роман наиболее немецкий по общему облику, и это несмотря на наличие в нем Рогожина в смазанных дегтем сапогах и с ножиком за голенищем... Русский образованный националист конца века, проклиная Европу, особенно Францию, единственно кого выделял, так это Германию, даже назидательно пытаюсь отучить простонародье от слова „немчура"... Германию, у которой он, по выражению Максима Горького, „учился философствовать, но не выучился работать"... Естественно, создавая свое идеальное сочинение, Достоевский потянулся, может быть, на этот раз даже бессознательно, к немецкому идеалу, обильно политому сладкими слезами, которые, и в этом разница, в перерывах от дела льют под „Айн кухель бир" немецкие производители... О, эти немецкие слезы, совершенно девичьи легкие слезы на мясных щеках немецких бургеров... Эти трогательные истории про Лизхен и Карлхен... Только на первый взгляд современный психоанализ далек от них... Их объединяет общее и главное — внутренний холод и синтетическая плоть, которая выглядит часто гораздо более привлекательно и совершенно, чем плоть живая...

Э д е м с к и й. Но в двадцатый век, век новых энергий, новых материалов и новых идей, наступление в литературе научно-психологического романа неотвратимо... Старик Вогуэ со своим, по определению Андрэ Жида, „салонным сознанием" сдан в литературную богадельню, и Запад вернул Достоевского России всемирным пророком и идеологом

нового сознания, весьма опасного для молодых полуазиатских, легко поддающихся экспериментам, душ... Тот, кто не верит направляющим общим идеям, тот творит идеи сам в массовом количестве... Он творит идеи собственноручно, и потому не может испытывать к ним уважения, не видя в них высшей тайны, а одну лишь продукцию... Достоевский не уважал ни идею жизни, ни идею смерти, ни даже подлинную идею такого близкого ему существа, как Россия, которую он воспринимал метафизически... Впрочем, Достоевский и сам ощущал свой путь: „Я никогда не могу потерять рассудок и никогда не могу поверить идее“, — с горечью восклицает Ставрогин в своем предсмертном письме, венчающем роман „Бесы“... В этой краткой горькой фразе кредо жизни, душевная исповедь и полный литературно-критический самоанализ Достоевского... Ибо лгать в предсмертных письмах, хоть и в русле достоевщины, но все-таки не в живой и полнокровной ее части, а на ее наиболее эпигонствующей и вульгарной периферии. Двадцатый век был не только научным, но и вопреки ожиданиям националистическим... Это своеобразное, кажется, никогда ранее не встречавшееся сочетание отняло у культуры самые зрелые ее силы и сделало ее разорванной... Культура, лишенная сплошного развития, всегда склонна к соблазнам... Один из наиболее опасных соблазнов, особенно в мучительный век, есть соблазн достичь счастья через страдание... Это краеугольный камень духовного творчества Достоевского, особенно периода „мировых“ романов. Но такие разные личности, как российский писатель Гоголь, как библейский Иов и как Иисус из Назарета, отвергали подобный фрейдистский медицинский способ — достичь через страдание самоуспокоения... Для каждого из них страдание было не способом для достижения счастья, а духовной обязанностью перед тем, что вне их и над ними... Они начисто отвергали в страдании индивидуализм... Нет, не тому они учили нас и не туда звали... Достоевский возвысился на некоем „буме“ психоанализа, завладевшего культурой двадцатого века... Учиться у него легче, чем у Гоголя или даже Турген-

нева, подражать проще, соблазняться его идеями заманчиво и льстит самолюбию, ибо всякий несовершенен... Достоевский — это вершина культуры, приобретшей многое, но потерявшей лишь одно — святость, нечто консервативное, не динамичное, не обтекаемое и даже, с точки зрения бунтующей личности, смешное... Но такая культура рано или поздно обречена на самоистребление, согласно метафизической системе, предтечи Фридриха Ницше, самоубийцы Кириллова из романа „Бесы”... Ибо то, что в ней господствует, более уязвимо и непрочно, чем то, что в ней подавлено и гонимо...

Некоторое время Эдемский и Жуовьян устало, в изнеможении смотрят друг на друга, потом молча выходят.

К а с ь я н о в н а. Бу-бу-бу... Накурили, набросали... Чтоб вам сгореть. *(Начинает уборку.)*

З а н а в е с

Москва, 1973.